

МАТЕРИАЛЫ САМИЗДАТА

Выпуск №18/79

5 июня 1979 г.

АС №№стр.

3593. Петр Абовин-Егидес. Статья "Паралогизмы полицейской психиатрии и их соотношение с медицинской этикой" (Москва, вскоре после 18.5.78). 39
3594. Аноним. сост. "Процесс Василия Овсиенко", вкл. письма и заявления Укр. ОГС, О.Мешко, М.Мельника (без места, конец февраля и начало марта 1979). 7
3595. Лев Гендин, еврей-отказник. Обращение к американскому правительству, всем честным людям мира с просьбой спасти его от преследований КГБ (без места), март 1979. 2
3596. Виктор Некипелов. "Опричнина - 79 /Политические расправы уголовным путем/. Выпуск 1. Книжные погромы в СССР" (г.Камешково, Владимирская обл.), март 1979. 6
3597. Семен Глузман, п/з. Письмо неизвестному адресату о его голодовке протеста против водворения в ПКТ Пермского лаг. №37 (на пути в ссылку, вероятно, ж./д. Свердловск-Тюмень, вскоре после 20.4.79). 3

АС №3593. Петр Абовин-Егидес. Статья "Паралогизмы полицейской психиатрии и их соотношение с медицинской этикой"
(Москва, вскоре после 18.5.78).⁺

СОДЕРЖАНИЕ¹

	<u>стр.</u>
Вместо введения.	2
Явная паранойя!.	4
"Титан мысли".	7
"Я изменила свое отношение..."	15
Маниомания	20
Люди бывшие и люди несостоявшиеся.	22
"Я бы..."	30
"В плену наивности	34
Вместо заключения. "Да здравствует психика вола!".	37

⁺Перепечатка с фотоконии оригинала из АС.

1. Составлено нами - ред. АС.

ПАРАЛОГИЗМЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ПСИХИАТРИИ
И ИХ СООТНОШЕНИЕ С МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКОЙ²Вместо введения

Выявляя уровень мышления своих слушателей, я в своей преподавательской деятельности провел много логических экспериментов и опросов. Начинал я с простейшего вопроса: "Что такое стул?" И вот оказывается, что, как правило, из группы в 50-100 человек близко к правильному определению отвечало 1-3 человека, а то и никто. За ряд лет я опросил около 150 таких групп, т.е. примерно 10 000 человек /количество довольно репрезентативное, чтобы сделать выводы об уровне мышления населения нашей страны/. Среди опрашиваемых были и директора, и генеральные директора, и главные инженеры объединений, и даже министры. И вот их ответы: "Стул - это, гм, предмет". - Я показываю портфель, ручку, часы: это ведь - тоже предметы. Тогда начинаются мучительные поиски /ибо людей этих мыслить никто не учил: их учили выполнять директивы, - и только/: "Стул - это четыре ножки, крышка..." - Но почему обязательно четыре? "Стул - это деревянный предмет..." - Но разве нет алюминиевых стульев? Наконец, кто-то догадывается: "Стул - это предмет для сидения". - Верно, это, конечно, верно, но ведь и диван, и скамейка - тоже предметы для сидения. И лишь после такой длительной подготовки вдруг 1-2 человека /от силы 3/ прозревают: "Стул - это предмет для сидения одного человека". Но и это определение еще неполное: остается отличить стул от табуретки и кресла, которые тоже для одного человека. Однако это уже трудностей не представляет...^{х/}

Совершенно ясно, что если у людей такой низкий уровень культуры мышления, то этим последним можно манипулировать как угодно: эти люди легко принимают на веру утверждения нашей прессы, например, о том, что у нас создается новый человек, что у нас социа-

х/ Кто сомневается в результатах этого опроса, пусть проверит их сам с любой группой опрашиваемых аналогичного контингента.

1. Петр Маркович Егидес - философ, доцент, член редколлегии журн. "Поиски", автор статьи "Панперсонализм как философия и образ жизни" (АС №3472); подробнее о нем см. АС №3408:2, сноску 1.
2. Текст опубликован в самиздат. журн. "Поиски", №4.

лизм, советская власть, что вторжение наших войск в 39 г. в Финляндию и в 68 г. в Чехословакию не есть агрессия, а вот зато вторжение войск Израиля в 67 г. в арабские страны есть агрессия, что помощь нашего правительства сепаратистскому движению Бангладеш за отделение от Пакистана была революционной, прогрессивной акцией, а помощь курдам, Биафре, Эритрее в их сепаратистском движении - это реакционные акции, что помощь МПЛА¹ со стороны коммунистической России - это интернациональная, революционная помощь, а помощь ФНЛА² со стороны коммунистического Китая - это антиинтернациональная, контрреволюционная помощь, - хотя они не знают ни того, что такое вообще человек, что такое "старый" и что такое новый человек, не могут определить, что же такое социализм, советская власть, агрессия, революционная /прогрессивная/ помощь, реакционная помощь. И в этом не их вина, а их беда. Больше того, в этом - в низком уровне культуры мышления - беда человечества...

Но эта беда перерастает в неимоверную трагедию, если человек с низким уровнем культуры мышления становится политическим деятелем, юристом, психиатром: ведь в их руках судьбы множества людей. Что касается психиатра, то он решает не только судьбу человека, а определяет, человек ли он, т.е. нормальный ли, подлинный ли или ненормальный, неподлинный, что означает, что он - существо, вычеркнутое из системы человеческих отношений, стало быть, уже бывший человек, нечеловек, подлежащий насильственной изоляции из общества людей, как изолируют от людей диких зверей в зоопарке, содержа их в клетках.

Когда я в 1967 г. посетил в психбольнице свою заболевшую сотрудницу и увидел там людей, не только потерявших в той или иной мере свою личностность, самосознание, способность к саморефлексии, но и оправляющихся на виду у других, спускающих с себя прилюдно штаны и остающихся голыми, людей, смеющихся без причины, потерявших способность координировать свои движения и т.д., то понял, что такие душевные болезни - самые ужасные: человек перестает быть человеком /по существу/, хотя внешняя форма человека

— — — — —

1. Народное движение за освобождение Анголы.

2. Национальный фронт освобождения Анголы.

сохраняется; человек перестает быть самим собой /в то время как при любой соматической болезни человек остается человеком/. Но мне тогда даже присниться не могло, что среди этих трагически больных могут оказаться и совершенно здоровые люди, попавшие сюда по милости людей в белых халатах, продавших свои души людям с малиновыми петлицами. И уж за сумасшедшего принял бы я того, кто предрек бы, что и я сам - психически совершенно здоровый человек - вскоре тоже окажусь среди этих несчастных больных... И лишь потому там окажусь, что психиатры-полицаи не только не в состоянии определить, что такое психически больной человек /и, стало быть, что такое психически здоровый человек/, но и не в состоянии уяснить себе, что же вообще такое человек, поскольку, потеряв совесть, они потеряли и способность логически мыслить, или, наоборот, не научившись логически мыслить, они не в состоянии приобрести совесть. Трудно сказать, что в этой взаимозависимости является первоосновой, но ясно для меня одно: логика и мораль, уровень культуры мышления и совесть тесно переплетены между собой. Вот это и хочется мне здесь показать на материале психиатрической практики, жертвой которой оказался и я.

Явная паранойя!

Когда в конце 60-х гг. я был арестован и обвинен в клеветнической деятельности против советского государства, я полагал, что мое дело будет вести хотя бы политически грамотный следователь, способный мало-мальски логически мыслить, и я смогу ему просто доказать, что я - не верблюд. Но мое человеческое достоинство было уязвлено уже тем, что вся грамотность моего следователя сводилась к... каллиграфическому почерку. Когда же я сказал, что не я, а те, кто велел меня арестовать, антисоветчики, он уставился на меня в искреннем недоумении:

- ???

- Да, да, антисоветчики - о н и.

- Так, может быть, и это, - показал он - на папку, - писали "они", а не вы?

- Нет, это писал я.

- Но вы же здесь изобличаете наш режим, наш государственный строй!

- А кто вам сказал, что он, этот наш нынешний режим, советский?

Следователь рассвирепел:

- Вы что, издеваться надо мной решили или вы "того", - по-сверлил он указательным пальцем свой висок.

И вот тут-то, видимо впервые, и зародилась у него "спасительная" версия о моем сумасшествии.

- Ни то, ни другое, - ответил я. - Вы просто... "забыли", что такое советская власть.

- Как? Наш режим и есть советская власть.

- Нет, давайте все же вспомним, чем отличается идея власти Советов от хотя бы Парижской Коммуны...

Но вспомнить он не мог: он этого просто не знал.

- Так вот, - воспользовался я его замешательством, - Советы возникли как органы власти, формируемые по производственному, а не территориальному принципу. Это первое. Второе: никакой диктатуры партии над ними не предполагалось. И третье: они должны были осуществить рабочую демократию. Всю эту советскую систему СТАЛИН уничтожил, и до сих пор никто это не восстановил. Кто же после этого антисоветчики?

- Хватит! - испугался не на шутку следователь. - Нечего тут заниматься языкоблудием, демагогией...

Итак, нормальная логика выдается нашей юстицией за... языкоблудие, а действительное языкоблудие за... нормальную логику.

Я, конечно, не знаю, с какого именно момента те, кто стояли за спиной моего следователя, решили пустить мое дело по ведомству психиатрической полиции - с того ли момента, когда следователь докладывал им об этом нашем разговоре, или тогда, когда он им рассказывал о том, что я "прикидываюсь Иваном Непомнящим", поскольку отвечал на целый ряд вопросов: "Не помню", или тогда, когда они решили, что подвести меня под статью 70 все же не так просто, - но как бы там ни было, в один распрекрасный день меня вывели из камеры, усадили в машину рядом со следователем и... повезли. Куда же? Куда же? - ломал я себе голову.

И понял лишь, когда машина остановилась у ворот с вывеской "Психиатрическая больница". Тогда я еще не знал, как к этому отнестись: хорошо ли это или плохо, лучше ли или хуже для меня? В голове мелькнула мысль: может быть, они не знают, как выпутаться из моего "дела", и решили - во избежание брака в работе - объявить меня "на минутку" "всего-навсего" /для них это - пара пустяков/... душевно неуравновешенным и под этим "соусом" отпустить восвояси. О том, что есть принудительное лечение, психиатрические тюрьмы, которые бесконечно хуже лагеря, я тогда не ведал.

Женщина-врач психбольницы вертела в руках папку с моими записями и явно была растеряна: опыта в политической "психиатрии" у нее не было. Следовательно ее "направлял":

- Посмотрите, тут же написано все вкривь и вкось, какие-то стрелки, боковые вставки, - это же явная психическая ненормальность: графомания, вязкость мышления. И - ничего не помнит... И эта борода - разве не мания величия? /С легкой руки следователя бородой моей психиатры меня потом не раз донимали, просто замучали./ Ну, а вот эти длинные, подробные расчеты - с желанием высчитать годовой доход высших номенклатурных работников - разве это не явная вязкость мышления?

Мне - повторяю - не было ясно, нужно ли мне вмешиваться в эту игру или пустить все на самотек, но я не выдержал /видимо, из-за принципа "Платон мне друг, но истина дороже", что всегда мне в жизни "мешало"/:

- Посмотрите, что у вас за логика:

1. Некоторые маньяки носят бороды.
2. Он носит бороду.
3. Ergo /следовательно/, он - маньяк.

Но это же самый настоящий паралогизм: из того, что некоторые маньяки носят бороду, вовсе не следует, что все носители бороды - маньяки. Вот если последнее было бы верно, то лишь в этом случае ваше умозаключение было бы правильным. А вы подменяете весь род частью рода, и получается ложный силлогизм. По такому вашему паралогизму выходит, что и МАРКС - маньяк. -

- Вот видите, - торжествуя ухватился за эти слова следователь. - Он приравнивает себя к МАРКСУ. Чистая мания величия.

Явная паранойя!

И если наша психиаторша до сих пор колебалась, то этот "до-вод", кажется, ее окончательно сразил... Мне велели выйти из кабинета. Через час меня увезли обратно - в тюрьму. Что все это означало, каково заключение врача, чем все это кончится, я, конечно, не знал.

"Титан мысли"

Несколько дней к следователю меня не вызывали, и я терзался, бился в догадках. Наконец, заскрежетали ключи, тяжелая кованая дверь моей камеры разверзлась, и вертухай велел мне "собираться с вещами". Это означало - этап. В тюремном дворе меня передали конвою с овчаркой: значит, дело не шутейное. И... увезли. Куда? Зачем? Ничего я не мог понять: ведь заключенного ведут, как скот - ему неизвестно, что с ним собираются сделать. Я прикидывал себе: возможно, на очную ставку с теми, о которых я ничего не стал говорить; может быть, по вопросу о деньгах, сбор которых в пользу политзаключенных я организовывал...

И как же я был удивлен, когда вдруг очутился в Институте судебной психиатрии¹ им. Сербского. /Оказалось, что врач психбольницы не пришла к однозначному заключению, она так и не согласилась с домогательствами следователя, оставив вопрос открытым, - поэтому-то меня послали к "верховным" экспертам./ К стыду своему, ни о самом СЕРБСКОМ, ни тем более об этом треклятом заведении, носящем его имя, ничего раньше я не слышал, хотя уйму раз проходил по улице, где оно находится^{х/}. Никогда раньше я и помыслить не мог, что медики, люди, дающие клятву Гиппократу,

х/ Ходил не раз в находящийся тут же, совсем близко Дом ученых /где, кстати, впервые 11 лет назад встретился с А.Д. САХАРОВЫМ, готовя письмо в Политбюро/.

1. В получ.копии "судебной психиатрической экспертизы" - ошибка.

люди в белых халатах, которые для меня всегда были символом гуманности, милосердия, доброжелательства, что эти люди, которые в нашем сознании с детства ассоциируются с добрейшим Айболитом чудесного Корнея ЧУКОВСКОГО, могут вдруг оказаться орудием дьявола, марионетками тайной полиции, растаптывающими медицинскую этику.

...Я предстал пред очи "самого" Даниила Романовича, т.е. профессора ЛУНЦА - главного полицейского психиатра. Он просверлил меня - очередную жертву - узенькими глазами, ехидно улыбаясь. Первый вопрос оказался, увы, все тем же - о бороде. Я удивился: маститый ведь профессор, а топчется все на том же банальном месте.

- Так почему вы все-таки отпустили бороду?

- Знаете, чисто случайно: однажды парикмахер снял мне намного больше волос, чем я просил, и прическа оказалась у меня, как у партийных функционеров, похожих даже внешне друг на друга и подражавших СТАЛИНУ даже в прическе, - я огорчился и компенсировал это тем, что решил отпустить бороду.

- Вот, вот, симптоматично... - забарабанил он пальцами по столу.

- Ну, а МАРКС, ЛЕНИН, Фидель? Тоже... симптоматично?..

- Ха, все в сонме великих обитаете, в окружении классиков видите себя... Ну, ладно. Обратимся к главному: что за цели вы преследовали этой писаниной? - показывает он на лежащую перед ним папку.

- Ничего больше, кроме того, что там написано: подлинную демократизацию нашего общества, без чего социализм не может быть равен своему понятию...

- Вот это и есть реформаторство как обычный признак паранойяльного состояния, маниакальности.

- Что же, СПЕРАНСКИЙ был тоже маньяком, параноиком, душевнобольным?

- Опять же все к историческим личностям себя приравняете, - ушел он от ответа.

- Но сравнение не есть ведь приравнение. Вы же подменяете понятие "сравнение" понятием "приравнивание". А подмена понятия и есть главный признак софистики. Ведь есть у нас девиз для пио-

неров: "Будем, как ЛЕНИН", - что же, из пионеров готовят параноиков? Писал и МАЯКОВСКИЙ: "Делать жизнь с ДЗЕРЖИНСКОГО...", - значит, и МАЯКОВСКИЙ - параноик или советовал другим стать параноиками?

- Гм. Гм... Конечно, не всякий реформатор - параноик, - как бы сдаётся профессор. - Но, - тут же выкручивается он, - СПЕРАНСКИЙ был реформатором-реалистом, учитывал реальную действительность, реальные возможности, а вы - Дон-Кихот, утопист, идеалист. На кого вы замахиваетесь? На колосс! На строй, который находится в фазе стабилизации. У вас отсутствует или утеряна способность ориентации в действительности, способность адаптироваться к ней, а ведь это опять-таки признак расстройства психики.

- Но в таком случае психически самые нормальные существа - это щедринский мудрый пескарь, это грибоедовский Молчалин, оппортунисты, конформисты, угодники, ханжи. Т.е. нравственно неполноценные люди - они-то и являются психически полноценными? А нравственно полноценные люди, которые не могут молчать, не могут не замахиваться на подлость, бесправие, по вашей "логике" - психически неполноценные? Ведь это же - псевдологика, и не может быть, чтобы вы этого не понимали. Нет, упаси меня, Боже, от такой вашей "полноценности".

- Вот, вот. Так и прет из вас это отнесение себя к исключительным личностям... Ведь вас же горсточка - вас сомнут... Не советую... Искренне не советую: сгниете! Не может же быть, чтобы вся рота шла не в ногу и лишь единицы - в ногу... Вы забываете, где вы живете, - завершает профессор, цинично и одновременно все же как бы доверительно.

- С каких же это пор обыкновенная нравственность, обыкновенная честность, обыкновенное высказывание своих мыслей, что должно быть нормой в любом цивилизованном обществе, вдруг стало означать какую-то исключительность? Почему это должно быть прерогативой исключительных личностей, а не рядовых? Почему человек, стремящийся ко всему этому, должен считать себя исключением, чуть ли не героем? Вот над чем следовало бы задуматься и психиатрам. Все это ведь должно быть обычным, нормой каждого порядочного человека. Иначе незачем жить... Вы советуете... Но я не

могу жить иначе: тогда я стал бы себя презирать как нелюдя.

- Вот, вот, вот: больной, больной вы. Лечить надо, лечить... Ну, в самом деле, - уткнулся он в папку, - смотрите, что вы здесь пишете: закон абсолютного обнищания рабочего класса, выведенный МАРКСОМ, оказывается-де несостоятельным в наше время; критерий морали, выдвинутый ЛЕНИНЫМ, вы переворачиваете: мол, не то нравственно, что ослужит коммунизму, а то ослужит коммунизму, что нравственно, ибо кто, дескать, те судьи, которые вправе определять, что ослужит и что не ослужит коммунизму? Вот, мол, СТАЛИН считал, что пытки, наветы, уничтожение десятков миллионов людей собственного народа, лицемерие, ханжество, ложь, обман - все это нравственно, поскольку ослужит... коммунизму. Так вот оставим пока в стороне СТАЛИНА, но вы же замахиваетесь на гигантов - на МАРКСА, ЛЕНИНА. Это же все опять и опять свидетельство вашей мании величия: считаете себя настолько равным с великими, с классиками, что даже осмеливаетесь критиковать их, похлопывать по плечу...

- Значит, мании величия нет лишь у тех, кто считает, что критиковать лидеров, классиков нельзя? Таким образом, весь демократический Запад, который полагает обратное, душевно болен, и лишь все почитатели культа вождя, все те, у кого инверсионное сознание, т.е. сознание, в котором перевернуты субъект-объектные отношения, душевно здоровые? Ну, и логика...

- Не...

- Извините, я не кончил. К тому же вы противоречите сами себе: то манией величия вы объявляете, когда человек сравнивает себя с классиками, хочет быть, как они, то, когда он их критикует, т.е. не хочет быть, как они. Словом, что хочу, то и ворочу... А ведь в логике есть закон запрета противоречия, сформулированный еще АРИСТОТЕЛЕМ.

- Не умничайте и не занимайтесь демагогией. - /Надо же: не он, а я, "оказывается", занимаюсь... демагогией!/ - Это тоже, кстати, симптом не в вашу пользу. - /Где все решает сила, а не логика, там, конечно, в мою пользу ничего не может быть - это я уяснял себе все больше и больше, - а как я, -наивненький, долгие годы уповал на логику!../ - ...И главное: вы хотите полную демократию сразу, а надо ее постепенно вводить, что у нас и делает-

ся... Иначе можно погубить социализм: народ еще не настолько зрелый, он может поддаться агитации и проголосовать против своих же интересов...

- Вот вы, наконец, сами себя и высекли: признаете, таким образом, что социализм можно и должно навязывать народу силой. Силой тащить его в рай. Ратуя якобы за народ, за его интересы, вы его боитесь, не доверяете ему, презираете - да и не знаете - его. Что же касается постепенности демократизации, то, опять-таки, судьи кто? Ведь никто не имеет права решать за народ какими дозами вводить демократию - гомеопатическими или крупными и в какие сроки. Все дело в том, что у нас с вами разный подход: я исхожу из того, что народ - суверен, вы же, что суверен - олигархия. Но при чем тут психиатрия? Разве можно тех, у кого не тот подход, что у вас, т.е. у правительства, считать душевно-больными, параноиками, маньяками, шизофрениками и пр.? Ведь я же не считаю вас душевнобольным из-за того, что у вас другой подход, чем у меня... И вообще хватит того, что у нас философию превратили в служанку политики, но чтобы то же сделать с медициной - это уже свертоталитаризм.

- Вот видите, вы и в наших стенах продолжаете заниматься клеветой - теперь уже клеветой на нашу отечественную медицину. А клевета тоже входит в синдром, если она становится обыкновением, что присуще вам. В самом деле посмотрите же, что только вы пишете: поскольку партгосаппарат распоряжается народным достоянием, то оно по существу становится-де соотственностью этого аппарата, а не народа, т.е. не общественной собственностью; стало быть, у нас, мол, нет социализма. Но разве, - поднимает на меня прищуренные глаза ЛУНЦ, - весь народ может распоряжаться собственностью, производством, его продукцией? Это должны делать представительные органы, как это и имеет место у нас. А вы клеветеете...^{х/}

х/ Ну, а если бы уже тогда была написана книга генерального секретаря испанской коммунистической партии С.КАРРИЛЬО, который теперь по существу утверждает то же самое, т.е. что у нас нет социализма, то и его бы ЛУНЦ объявил сумасшедшим и потребовал бы

- Опять-таки логическая передержка: распоряжаться собственностью народа представительные органы действительно имеют право, п о с к о л ь к у народ уполномачивает их на выборах...

- Вот именно...

- Да, но у нас по существу нет выборов: "выборы" без выбора - это в действительности не выборы и даже не голосование, а механическое опускание бюллетеня. Если в избирательном бюллетене значится одна кандидатура, то это равносильно тому, как если бы Бог подвел к Адаму Еву и сказал: "Выбирай себе жену".

- М-да... Болезнь крепко в вас засела: она глубоко просверлила ваше сознание. Отсюда это непробивное упорство во ввевшемся в него, в ваше сознание, наборе нескольких навязчивых идей, от которых, если вас не излечить, то вы погибнете. Мы должны /это наш священный врачебный долг!/ спасти вас от вас самих, от ваших бредовых идей, которые вы с таким неистовством продолжаете отстаивать. Ведь они, эти злосчастные идеи, довели вас даже до антипатриотизма...

- Что?

- А вот что: вот место в ваших записях о Чехословакии. Наши войска в 68 г. спасали социализм в Чехословакии, спасали чешский народ от великого заблуждения, в которое его затягивали темные силы, а вы клевете, будто это - вторжение, интервенция, нарушение суверенитета. А что, лучше бы было, если бы вторглись войска ФРГ и расчистили там дорогу капитализму, а то и фашизму?..

- Ну, знаете, этакая "логика" может оказать воздействие только на людей с инфантильным мышлением, для которого есть только два цвета - красный /это - "наши"/ и белый /это - "не наши"/. Ведь каков по сути дела подспудный ход вашего рассуждения? Первое: подвергнуть его принудлению? Конечно, для лунцев все, кто мыслит не так, как наши директивные органы, это люди с завихрениями, с вывихами, с отклонениями от "нормы". Лунцы - это носители самого опасного типа мышления, которое можно бы назвать матричным мышлением: то, что утверждают те, кто помещен в центральную ячейку политической матрицы, и принимается за истину; все же иное - это сумасшествие и подлежит искоренению, как сорная трава.

подлинный социализм - это только то, что имеется у нас; второе: чешская компартия /подчеркиваю: коммунистическая партия/ решила, что социализм должен выглядеть иначе, чем у нас; третье: стало быть, чешская компартия предала социализм, и наши войска лишь спасли его. Я уже не говорю о том, что никто не имеет права даже в своей стране навязывать силой какой-либо строй, тем более в чужой стране, - подчеркну лишь характер вашего мышления: откуда вы взяли, что то /и только то/, что у нас, - это социализм? Вы же это постулируете, принимаете за постулат, за аксиому то, что надо еще доказать, стало быть, конец принимаете за начало, т.е. у вас директивный, постулятивный, догматический тип мышления в смеси с авторитарно-теологическим типом его. Последнее соответствует примерно такой схеме: "1/ апостол ПАВЕЛ сказал то-то; 2/ вы, простой смертный, говорите этак-то; 3/ стало быть, вы неправы". Но это же претит объективно-научному типу мышления, свободно-критическому, которое начинает с того, что все берет под сомнение, девиз которого: "Все достойно суда Разума". У вас же получается: "1/ апостол Леонид сказал, что социализм - это то-то, а именно: это то-то, что у нас; 2/ некий ДУБЧЕК говорит иначе; 3/ стало быть, ДУБЧЕК неправ, чур ДУБЧЕКА, предать его анафеме, объявить врагом народа, сумасшедшим, сгноить".

ЛУНЦ, доселе хитро молчавший, раздраженно, но сдержанно хлопнул ладонью по столу:

- В общем все ясно: самоочевидная вязкость мышления. Полный синдром налицо. Все душевнобольные либо реформаторы, либо графоманы, либо обзаводятся величественной внешностью вроде бороды, либо страдают вязкостью мышления. А тут все вместе. Итак, душевное заболевание несомненно. Словом, вы меня убедили, - ехидно улыбнулся он.

- Но это ваше заключение аналогично одному классическому паралогизму:

1. Все человеки обычно двуногие.
2. Цапля - двуногая.
3. Ergo, цапля - человек.

- А при чем здесь это? Нелепость этого умозаключения самоочевидна.

- Но через него высвечивается и ложность вашего заключения. Ведь в чем секрет приведенного паралогизма? Из того, что люди - двуногие, не следует, что двуногие - люди. Лишь в этом последнем случае цаплю действительно следовало бы считать человеком. Точно так же: из того, что все душевнобольные либо реформаторы, либо много пишут, либо очень много рассуждают, либо напускают на себя внешнее величие и т.д., не следует обратного, т.е. того, что все реформаторы, все, кто много пишет, кто подробно, обстоятельно рассуждает, кто носит бороду /пусть даже желая придать себе внешнее "величие"/ и т.д. - душевнобольные. Всякий графоман много пишет, но не всякий, кто много пишет, графоман /ТОЛСТОЙ, МАРКС, ЛЕНИН извели уйму бумаги, написали множество томов, но они - не графоманы/; всякий, у кого вязкость мышления, много рассуждает, делает бесконечные отступления от главной темы и тонет в них, так и не добираясь до главного, но не всякий, кто много, обстоятельно, подробно рассуждает, делая различные "лирические" отступления, - страдает вязкостью мышления. И т.д. На подобной паралогистике /а по сути дела - софистике/ и построена вся "диагностика" вашей полицейской психиатрии, дающая вам возможность объявлять здоровых людей - инакомыслящих - душевнобольными.

ЛУНЦ, которого его свита считает титаном мысли, вышел, не дослушав последних несколько слов, и оставил дверь открытой. Войдя через несколько минут, он вдруг изменил тон и заговорил вкрадчиво:

- Вы напрасно упорствуете. Мы не хотим вам плохого. Поверьте: если вас признать здоровым, то вам грозит несколько лет лагерного заключения плюс несколько лет лишения прав /следственные органы настаивают на 70-й статье/. А как больной вы отделаетесь легким испугом - каким-нибудь годом принудления со свиданиями. Да и для работы вашей жены это кардинально важно...

Я ломал себе голову над тем, как вести себя дальше, что все это значит: хочет ли ЛУНЦ все-таки выглядеть хоть немного человеком или это просто ловушка?

Об иезуитстве этого полицейского профессора, о том, скольких людей он загубил, я тогда еще ничего не знал; узнал я многое, когда оказался в Бутырках, и еще больше "на воле" /после отбытия принудления/.

"Я изменила свое отношение..."

Из института Сербского меня привезли в Бутырскую тюрьму. В огромном "приемном" вестибюле, который заключенные называли "Бу-тырский вокзал" /отсюда и пародия на песню: "С чего начинается Родина? С вокзала в Бутырской тюрьме..."/, велено было для начала меня остричь и убрать бороду. Я запротестовал и требовал вести меня к начальнику тюрьмы. Начальник, полковник ПОДРЕЗ, встретил меня словами:

- Что, профессор, с карцера начнем?
- Я - политический заключенный, а политических не стригут.
- Где не стригут?
- В Лефортово.
- А здесь я - хозяин: у меня стригут всех.
- Гм... Значит, сколько хозяев, столько "логик"...
- В общем, - "состриг" полковник, - я могу пойти на компромисс: оставить вам волосы везде, кроме головы и бороды.

И меня силой постригли. Потом бросили в отсек, где собирали всех признанных психически больными для ожидания приговора суда и отправки в принудбольницы - общего или специального типа. И лишь тут от других заключенных, уже побывавших на "спецу", я узнал, что же такое психтюрьма, каковы ее ужасы.

Я был вначале помещен в камеру, где находилось человек пятнадцать. Многие из них были действительно уголовниками - в основном ворами, грабителями. Когда я вошел в камеру, мне бросился в глаза сидящий за столом лысый человек почтенного вида; перед ним лежал огрызок книги и какие-то вырезанные из бумаги фигурки. Мне в первое мгновение показалось, что это какой-то интеллигент. Оказалось же, что человек этот безусловно болен: вот он сделал ряд складок на своем одеяле, одну часть фигурок положил на одну сторону одеяла, другую - на другую сторону и заявил: "Сейчас будет война". В руке у него была палочка со вставленной в нее иглой. Ею он сражал... "солдат": если попадал в голову или сердце - значит, убит; если в другие места - значит, ранен... Но "коронный номер" его был еще впереди: когда открылась кормушка и появилась в ней голова медсестры, двое воров вдруг подняли его,

и... сестра взвизгнула. Оказывается, он вынул свой детородный орган и потряс им перед ее лицом. Вертухаи реготали, но затем его отколотили. Потом я узнал, что аналогичное он проделывал в метро, магазинах, за что и подвергался неоднократному принудлению. Это, конечно, глубоко больной человек со значительным /если не полным/ распадом личности, причиняющий ущерб человеческому достоинству окружающих.

В этой же камере находился паренек лет 17-и, который поджег из "озорства" школу. Один убил в упор из охотничьего ружья свою жену из ревности. Другой из ревности же избил чужую женщину, приняв ее за свою жену. Третий - студент медицинской академии - умертвил с помощью газа своих родителей...

Но были и такие /особенно из воров-рецидивистов, грабителей/, которые "косили", т.е. симулировали душевные заболевания: один на экспертизе утверждал, что у него в голове торчит нож; другой кричал, что он - "сын Отто СКОРЦЕНИ¹" и приветствовал всех "Хайль", вытягивая при этом вперед и чуть вверх руку; третий орал: "Наше правительство продало Россию-матушку мировому сионизму! БРЕЖНЕВ - жид: посмотрите хотя бы на его брови! Это же жидовские брови... Жиды захватили весь мир!" В камере эта компания затеяла "забаву": они надрезали себе кожу у головки полового члена и вдевали туда металлические шарики. Зачем? А вот зачем: когда кожа зарастет, шарики при половом акте будут, как они говорят, "намного увеличивать удовольствие любителей острых ощущений - для чего мы и живем". И диву даешься, как они при этом избегали сепсиса. Всем им психушка была выгодна: срок принудления оказывался для них в несколько раз меньше лагерного заключения, а для тех, кому грозила "вышка", это было просто спасение. Вот им-то и оказывали подчас благодеяние психиатры Института им. Сербского - не думаю, правда, что бескорыстно /хотя "не пойманный - не вор"/: иначе за счет чего лунцы могут вести роскошную жизнь? Тут же "логика" была на их стороне - ну, а что касается морали, то для них она всегда - обуза.

Была в нашем отсеке и группа, так сказать, политических "хулиганов". Один критиковал в юности начальство, возмущался: "Что́ это за социализм?"; когда его уволили за критику, он "врезал"

1. Skorzeny, 1908-75, офицер СС.

начальнику, - и с тех пор стал узником то психушек, то лагерей. Он был еще молод, писал хорошие стихи /зовут его Эдик, фамилию забыл/, но жизнь его уже была загублена. Другой никак не мог добиться ремонта в своей аварийной квартире; придя однажды с работы, он застал свою дочку, лежащей под упавшей на нее дверью, побежал в ЖЭК, возмущался: "Разве вы - коммунисты? Вы предали ЛЕНИНА, советскую власть!.." - и... оказался арестованным. Третий "нарушал покой прохожих", выкрикивая в "нетрезвом состоянии" слова "Да здравствует Конституция!", а, находясь в кинотеатре, где демонстрировался фильм, в котором фигурировал СТАЛИН, встал, когда раздались с некоторых мест аплодисменты, и крикнул: "Кому вы аплодируете? Палачу!" ...Был здесь и норильский рабочий МИРОНОВ, которого посадили за то, что он с товарищами критиковал начальство и, когда его уволили, обратился с письмом в иностранное посольство. В прогулочном дворе встретился я с группой латышей, один из которых несколько раз убегал из лагеря, став вечным каторжанином, а началось все у него с возмущения шовинистическими актами некоторых из живущих в Латвии русских... Где все эти /и им подобные/ люди теперь? Что с ними случилось? Ведь о них и о многих таких, как они, безвестных, никто не знает^{х/} /да и возможно ли в условиях оруэлловского¹ "испарения" людей знать?/: ни советская группа "Международной амнистии", ни группа защиты узников психиатрических застенков, ни Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Только при гласности, при полном пересмотре всех дел с участием оппозиционной общественности, иностранных юристов и иностранных психиатров можно раскрыть и спасти всех этих заживо погребенных.

х/ Где, например, ВИНУКОВ², дерзнувший выступить с критикой режима на собрании актива радиоцентра? Что с ним? Где ИЛЬИН³, стрелявший в правительственную автомашину? /Я - противник всякого террора, но общественность должна знать ход судебного процесса и иметь доступ к любому узнику/. Где "зачинщики" Новочеркасской забастовки и других забастовок? В Польше о судьбе таких "зачинщиков" все известно...

1. В получ. копии "орвелловского".

2. Борис Дмитриевич Винокуров, о его выступлении 19.2.75 и госпитализации 24.4.75 см. Хр.35:43.

3. Анатолий Ильин, об условиях его содержания в Казан. СПБ см. Хр.41:50-51, 46:76.

Конечно, уже никто не спасет диссидента-учителя из Владимира, который повесился как раз в той общей камере, в которой затем оказался и я. Рассказывали сокамерники, что это был чудесный парень, но - не выдержал тюремных мук и предстоящего заточения в психушку¹. Хотя бы доброе имя его спасти!..

Из общей камеры меня затем перебросили в четырехместную. Тут я впервые столкнулся с совершенно сумасшедшими: один каждые несколько минут вдруг /без всякого повода/ раздражался гомерическим смехом; другой постоянно бредил - разговаривал с собой совершенно бессвязно; третий был буйно помешанный, задушивший человека. Все это было невыносимо. Особенно тягостно было ночью: опасаясь, чтобы буйный не стал вдруг ночью душить меня /он почему-то меня невзлюбил "с первого взгляда"/, я засыпал, держа на шее руки сомкнутыми в кулаки.

Здесь же, в отсеке для "психов", встретился я с Владимиром ГЕРШУНИ, а через волчок в прогулочном дворе - и с Натальей ГОРБАНЕВСКОЙ. Этих интеллектуальных людей - талантливую поэтессу и неистового борца за права человека, совершенно психически здоровых, - тоже объявили душевнобольными. Я читал там стихи ГОРБАНЕВСКОЙ, выучил многие из них наизусть /в скобках замечу: те стихи понравились мне гораздо больше, чем опубликованные в "Континенте"/, опасаясь, что при обыске их у меня отнимут, - это были стихи абсолютно здорового в психическом отношении человека.

Но вот в одной из записок, переданных в мужское отделение, Н.ГОРБАНЕВСКАЯ писала примерно следующее: тюремный врач ей сказала: "Я уже была склонна считать вас здоровой, но после вашего участия в голодовке солидарности политзаключенных² я изменила свое отношение к вашему психическому состоянию". Вот и вся "логика": участие в голодовке солидарности есть подтверждение психического... заболевания. На этом основании следовало бы всех революционеров царских тюрем /в том числе и СВЕРДЛОВА, и ДЗЕРЖИНСКОГО/, объявлявших нередко голодовки, признать психически больными. Конечно, здесь явственно просвечивает за больной логикой врача его больная совесть, нравственная порочность, как

— — — — —

1. Владимир Ильич Борисов, 1945(?) - 19.5.70, рабочий, по образованию филолог, в 1968-69 пред. Союза независ. молодежи г.Владимира, в мае-июле 69 во Влад.обл.ПБ, в окт. в Ин-те им.Сербского, повесился в больничном отд. Бутырской тюрьмы (см. Хр.8:26-27, 9:29, 10:40, 11:50, 56, 13:3, 14:31, АС №1400:3).
2. 5-10.12.70 (см. Хр.18:6).

следствие инерции страха, о которой хорошо написано у ТУРЧИНА. Но разве может это служить каким-либо оправданием? Сие можно понять, но принять невозможно. Ведь имеются у нас и такие врачи, как С. ГЛУЗМАН, как М.¹ ВОЙХАНСКАЯ, которые восстали за честь науки, медицины, психиатрии! Есть ряд психиатров, которые хоть и не восстали, но стремятся облегчить мучения диссидентов, оказавшихся в тех психушках, где они, эти врачи работают /фамилии ради их безопасности называть еще рано/. А вот бутырские врачи не облегчали, а даже усугубляли, например, участь Вл. ГЕРШУНИ. Этот явно героический человек /я восхищался не раз его стойкостью, свидетелем которой был, его мужеством, высоко ценю его нравственную чистоту!/ не раз объявлял голодовки, несмотря на плохое состояние здоровья, а врачи не брали его длительное время в больничное отделение. А могли бы! И должны были бы /в соответствии с медицинской этикой/!

Причин же для голодовок было немало: во-первых, в Бутырках скопилось много людей, приговоренных к заключению в спецбольницы, а мест на "спецу" не хватало, и люди по многу месяцев ожидали в тюрьме /!/ своей очереди /многие ждали этого как избавления от тюрьмы, помещение в которую было уже сверхпроизволом, не ведая, что спецбольница - еще худшая тюрьма, к тому же бессрочная^х/; во-вторых, было много случаев бесчинств тюремных служащих /урезывали, например, время, отведенное для прогулок, пища была отвратительна и в недостаточном количестве.../.

Мне объявили решение суда о принудительном лечении и увезли из Бутырок как раз в то время, когда ГЕРШУНИ держал длительную голодовку.²

х/ Ведь по "логике" полицейских психиатров вылечить - значит душевно сломать человека, держать его до тех пор, пока он - хотя бы формально - не отречется от своих убеждений, пока не растопчет самого себя. Правда, это им не всегда удается, хотя они и держат свои жертвы в жутких условиях спецтюрьмы годами /столько, сколько велят "сверху"/ и всевозможными химикатами отравляют их мозги.

-
1. Марина; в получ.копии "Е." - опечатка.
 2. Решение Ростов.облсуда по делу Егидеса - 8.12.70; в тот день Гершуни начал голодовку (см. Хр.17:37, 18:6).

Маниомания

Я очутился вдруг, как мне показалось, когда за мной закрылись бутырские ворота, "почти на воле" — меня привезли в психбольницу им.Кащенко¹. Но оказалось, что здесь лишь "пересылка", что ждет меня режимное отделение в Столбах. К тому же на этой "почти воле" — на бывшей Канатчиковой даче — психиатры, с которыми я сталкивался, оказались духовными пигмеями, особенно зав. 4-м отделением врач ШАФРАН.

Узнав, где я, ко мне сразу пришла на свидание жена. В возбужденном разговоре, который в таких случаях не может быть упорядочен /здесь перемежаются важное и пустяковое, серьезное и шуточное/, она мне — между прочим — сказала, что принесла мою любимую копченую колбасу, а ее отобрали: не положено. Я пошутил: "Ерунда. Что это значит в сравнении с мировой революцией?! Стоит ли о чепухе волноваться?" Мог ли я подумать, что сидящая тут же, в стороне /и как бы случайно/, медсестра проинструктирована все нотировать и что врач /!/ может придать значение подобной /так сказать, неудачной/ шутке. Тем не менее, когда жена через пару дней была у зава отделением, он ей заявил:

— У вашего муженька продолжается продуктивное состояние: он не оставляет свой реформаторский бред, свои политические завыхания...

— Что же случилось?

— Как будто вы не знаете? Ведь вам же он на первом свидании уже успел говорить о мировой революции...

Жена еле удержалась от смеха, но, поняв, с кем имеет дело, отпарировала:

— С каких же это пор мировая революция у нас вдруг не в почете? О ней писали и МАРКС, и ЛЕНИН, как известно даже пионерам.

— Бросьте прикидываться. Мы знаем, против чего и какую мировую революцию имеет в виду ваш муж...^{х/}

х/ Точь-в-точь, как в том анекдоте, в котором человеку, объясняющему, что, говоря о собачьей жизни, он имел в виду Америку, следовательно ответил: "Бросьте крутить. Мы знаем, где собачья жизнь".

Доказывать ему, что я в принципе против насилия, против вооруженной революции, было бы бесполезно. Поэтому, когда жена мне об этом рассказала, я лишь махнул рукой.

Основная забота ШАФРАНА как зава отделением заключалась в "вынюхивании" намеревающихся бежать. В каждом видел потенциально-го беглеца.

- По глазам вижу, что ты затеваешь побег. У тебя мания бегства. Сульфазин ему... превентивно, - диктует он сестре.

Я понял, что он сам болен, что у него маниомания, т.е. мания, будто у всех мания побега. Он "лётал" по своей парафии¹, как поихопат, и истерично орал:

- Сульфазинчику захотели?!

...Наконец-то, добрался он и до меня. Когда я стал возмущаться длительным отсутствием прогулок /он ссылаясь на то, будто медперсонала не хватает для этого, а на деле ему просто было так спокойнее: с прогулки ведь легче убежать/, ШАФРАН затопал ногами:

- Сульфазинчику ему как пособнику беглецов!

И я, оказавшись в руках ловких санитаров, испытал на себе кошмарное действие этого препарата: через некоторое время после укола начался озноб, меня трясло, зуб на зуб не попадал, я обливался холодным потом, состояние было ужасное - и все это длилось мучительно долго.

Может быть, само по себе изобретение этого стрессового препарата - прогресс в психиатрической фармакологии: он, очевидно, действует положительно на буйно помешанных, как и другие средства, вызывающие шокое состояние. Но когда подобные препараты применяются в качестве наказания - тем более для здоровых, когда ими пугают, когда они заменяют в руках держиморд от психиатрии XX века дубинку, смирительную рубашку, то это уже социальная катастрофа.

...ШАФРАНУ представился случай, который "окончательно убедил" его в моих "реформистских наклонностях". Из-за вспышек поносов, которые нередко превращались в эпидемию дизентерии, часто отменяли свидания, - а поносы среди душевнобольных неминуемы /многие из них теряют способность соблюдать гигиену, пьют грязную

1. Парафия (греч.) - приход.

воду, не моют рук после пользования туалетом; в помещениях теснота, большая скученность, многие лежат в коридорах, в которых обычно - страшная толкотня, как на вокзале, поскольку на день сюда выгоняют из палат/. Я же жил только свиданиями, они были для меня единственной отдушиной в этом антимире, и поэтому, вполне естественно, я думал о том, как сделать так, чтобы их не отменяли. Я предложил ШАФРАНУ провести такие-то и такие-то организационные мероприятия, которые дали бы возможность потушить "поносные вспышки", но он пропустил это мимо ушей. И вот как-то явился в наше отделение "сам" МОРКОВКИН - главврач больницы¹. Я высказал свои соображения ему. Он заметил: "Дельно. Продумайте, товарищ ШАФРАН". ШАФРАН смерил меня огненным взглядом, а потом выговаривал моей жене:

- Да, реформаторство его не оставляет... Лечить надо, лечить!

И он не только подтвердил, но усугубил в моей "истории болезни" все то пакостное, что писали до него. /Мир оказался не без добрых людей, и мне дали почитать этот опус, с одной стороны, алогичный, а с другой стороны, аморальный^{х/}./

Да, ужасное сложилось у меня впечатление от 4-го отделения бывшей Канатчиковой дачи. Оно напоминает мне о себе и по сей день.

Наконец, меня отправили "по назначению" - в Столбы, и я облегченно вздохнул, хотя и не знал, что ждет меня впереди.

Люди бывшие и люди несостоявшиеся

Сколько раз проезжал на поезде мимо станции Столбовая², но

х/ Некоторые человеческие работницы "просочились" и в Институт имени Сербского - в это логово полицейской психиатрии. Одну из них, помогавшую мне /с большим риском для себя!/ общаться с внешним миром, я никогда не забуду, но назвать ее фамилию еще нельзя, хотя в институте она уже не работает: не выдержала всей той мерзкой обстановки.

2. Вблизи ст. Столбовая расположены Моск. гор. ПБ №2 (с. Добрыниха), №5 (с. Троицкое) и Моск. обл. ПБ №2 им. Яковенко (с. Мещерское). П. Егидес находился в Моск. гор. ПБ №5.

1. Валентин Михайлович Морковкин, в должн. по кр. мере с 1968.

не ведал, что с этим названием связаны трагические судьбы множества обитателей находящейся в стороне от нее психиатрической больницы. Больница предназначена для хроников и отбывающих принудление. Хроники обречены там медленно гнить долгие годы. Принудчики же люди временные, но зато содержатся в условиях строгого режима, — причем немало их превращается в "рецидивистов" и, наконец, в тех же хроников.

Меня поместили в 7-е, режимное, отделение. Помещение мрачное, сырое, тесное, забитое больными. Там были всякие: и kleptomаны, и наркоманы, и буйно помешанные убийцы, и поджигатели, и грабители. К ним "на съедение" бросали и диссидентов: несколько их было до меня, не осталось "свято место" пустым и после меня /вскоре привезли туда П.Г. ГРИГОРЕНКО¹/.

Больные здесь были намного более тяжелые, чем в "Кащенко". Один постоянно курсировал по длинному коридору /служившему одновременно и столовой/ и рвал ногтями обеих рук свое лицо /из-за обилия ран оно было испещрено зеленкой, но кровь просачивалась и сквозь нее/; другой измерял всех бычьим взглядом /он, как я потом узнал, бросил свою жену под поезд метрополитена^х/; третий поджег собственный дом; четвертый, никогда не носивший здесь пижамных штанов /всегда почему-то ходил в кальсонах/, все время сновал из угла в угол, разговаривая сосредоточенно сам с собой /говорили, что он служил в охране БЕРИИ и участвовал в расстрелах/.

Мой сосед по нише /в 7-м отделении не было палат: был длинный коридор и отходящие от него несколько ниш — без дверей; в нишах помещались койки/ — физик — в дни своего просветления рассказал мне свою трагедию. Звали его Борис. Работал в НИИ по атомной энергии, был облучен и потерял половую потенцию. Жена оставила его, оформив каким-то обманным образом на себя квартиру. Сынишку она от отца изолировала. Мать и сестра остыли к нему, оттолкнули его. Бориса приводили в неистовство пренебрежительные, снобистски-шовинистические, великодержавно-чванливые разговоры мужа сестры — "крупного" экономиста — о странах-сателлитах, в которых

х/ Я читал письма его дочери-старшеклассницы — какая это была трагическая судьба!

1. Переведен в Моск.гор. ПБ №5 19.9.73 (см. Хр.30:87).

он и его коллеги вели себя как патроны: им льстило, что они — представители могучей военной державы, это щекотало их нервы. Вся эта филистерская обстановка Борису претила, выводила его из себя... Наконец, на него "накатило" — и он поджег семейную дачу.

Другой мой сосед по нише убил ряд людей и уже много лет находился в Столбах. Последние годы он был тих, но поди знай, что ему завтра "стукнет" в голову...

Проведя среди этих несчастных немало месяцев, находясь постоянно под угрозой увечья или даже убийства, наблюдая своими глазами кошмарные картины, я убедился, что у меня исключительно здоровая психика, если я, по природе своей легковоспламеняющийся при виде чужого горя, несправедливости и тупости, мог все это выдержать.

Вскоре после моего прибытия в Столбы мой врач Жанна Николаевна имела со мной беседу.

— Как вы себя чувствуете?

Что я мог ей сказать? Плохо? — значит я сам считаю себя больным. Хорошо? — но как может человек хорошо себя чувствовать, когда кругом трагедии и он сам лишен свободы? Это последнее я ей и сказал:

— Как может человек хорошо себя чувствовать здесь?

— Я имею в виду: чувствуете ли вы себя здоровым?

— Смотря в каком отношении.

— В психическом.

— А вы как думаете?

— Я же вас спрашиваю.

— Извините, но вот если бы я вас спросил: чувствуете ли вы себя психически здоровой? Что бы вы ответили?

— Что за странный вопрос? Естественно, здоровой... А почему вы спрашиваете?

— Ну, а почему вы меня спрашиваете, если мое состояние так же естественно очевидно?

— Но я — врач, и я должна спрашивать.

— Разве вы не знаете, что этот вопрос в устах многих психиатров звучит провокационно? Если я отвечу на него: "Я чувствую себя здоровым", то они тут же заявляют: "Вот-вот, все психически

больные считают себя здоровыми", — иначе-де они не были бы больными. /Но это же самый банальный паралогизм: из того, что психически больные считают себя здоровыми, вовсе не следует обратного что все, кто считает себя здоровым, психически больны./ Если же я отвечу: "Я чувствую себя больным" /что, конечно, неправда/, то подобные психиатры тут же торжествуют: "Ну, раз вы сами чувствуете себя больным, то так оно и есть, — вас надо лечить". Но тут уже вступает в черед бессовестность, аморальность: ведь врачи эти знают, что человек здоров. Иначе говоря, когда жертва говорит: "Я здоров", полицей-психиатр заявляет: "Нам, врачам, виднее", а когда жертва, видя, что оказалась в капкане, пытается выпутаться, клеветает на себя: "Я болен", — полицей-психиатр потирает руки: "Конечно, вам виднее"... Ни логики, ни морали! Голый садизм.

Жанна Николаевна ничего не ответила. Это уже значило многое: она не потеряла чувства стыда.

В одной из следующих бесед я ей сказал:

— Мне жаль вас, Жанна Николаевна.

— Почему?

— Потому что вы не можете осуществить себя как человек, хотя у вас есть для этого все данные.

— Что вы имеете в виду?

— У вас есть совесть. Но вы ее заглушаете, не даете ей заявить о себе. Не даете себе сказать то, что вы думаете, знаете, видите: "Да он же здоров! Люди в белых халатах, что мы делаем? Выпустите его немедленно! Ведь на человека в белом халате смотрят как на носителя гуманизма... Зачем же мы мараем этот халат? Зачем глумимся над собственной клятвой — клятвой Гиппократ?"

Жанна Николаевна снова промолчала...

...Грозой принудчиков была /может быть, она и сейчас работает в Столбах/ зам. главврача по принудлению КОЖЕМЯКИНА¹. Боялись ее и сами психиатры: она была представителем КГБ в психбольнице.

Первый ее вопрос мне был все тот же, проштампованный:

— Считаете ли вы себя психически больным или здоровым?

1. Александра А. Кожемякина, свидетель на проц. С.Ковалева в дек. 75 (см. Хр.38:16, АС №2480:10). В беседе с Андреем Григоренко она сказала, что смерть П.Григоренко — это тот выход, который устроил бы "всех" (Хр.32:51).

- Вопрос этот нечестный . /Мне бы хотелось сказать "подлый", но даже то, что я уже сказал, показалось ей ужасной дерзостью./

- Почему так? - сверкнула она глазами.

- А как бы вы посмотрели на мой вопрос вам: считаете ли вы себя здоровой? - повторил я то, что уже говорил Жанне Николаевне. Но реакция тут была совсем иная:

- Смешной и даже наглый вопрос со стороны больного - да еще принудчика!

- А все-таки?

- Здоровой, конечно, здоровой.

- В таком случае у вас две "логики": одна для себя, другая - для меня: если вы отвечаете, что считаете себя здоровой, то это не значит, что вы больны, а если так отвечаю о себе я, то это, по-вашему, значит, что я болен. Это же явный логический абсурд.

- Но я действительно здорова, а вы действительно больны.

- Из чего же это следует? Вы ведь видите меня впервые, а уже, направленные определенной установкой, несколько раз успели назвать меня больным.

- Врачи это утверждают.

- А я утверждаю, что я психически здоров.

- Что же, вы знаете больше врачей?! - торжествующе заявила она. Этот аргумент казался ей /как и многим другим, зараженным авторитарным типом мышления/ неотразимым.

- Смотря что. О соматическом здоровье я знаю бесконечно меньше врачей. А вот что касается психики, то тут все кардинально меняется: во-первых, встает вопрос о самом критерии психического здоровья, во-вторых /и это - главное/, о том, может ли человек с паралогистическим мышлением и моральной глухотой /а таковыми были составители моей "истории болезни"/ быть подлинным врачом, лечащим психику /стало быть, и мышление/ другого человека. О том, что алогизм коррелируется у некоторых из имеющих диплом врача с аморализмом, это я о них знаю не меньше, чем они сами. Что же касается себя, то я знаю твердо, что мое мышление не паралогистично, что мое поведение не безнравственно, что никому физического ущерба я не принесу, - этого более чем достаточно, чтобы я имел право свободно жить в обществе, среди людей, а не быть от них вами

изолированным. Стало быть, когда ЛУНЦ, ШАФРАН и подобные им утверждают, что я или такие, как я, душевно больны, опасны для общества /людей/ и должны быть изолированы, то они поступают не как врачи, не как психиатры, а как аморальные существа, т.е. не-люди, как существа, потерявшие облик человека, человеческую сущность; ибо без совести, без морали человек перестает быть равным своему понятию, перестает быть человеком.

- Вот-вот... Резонерство, фразерство. Озлобленность. Вязкость мышления. Все симптомы налицо. Самым умным себя считаете - это явный признак мании величия.

...И как ни в чем не бывало, тот же коварный вопрос - "Чувствуете ли вы себя сейчас выздоровевшим?" - задала мне КОЖЕМЯКИНА через целый ряд месяцев на заседании комиссии при выписке, встретив одобрительный кивок "самого" профессора ЛУНЦА^х/ . Я напрягся: если ответить: "Да, я чувствую себя выздородевшем" - значит, тем самым я признаю, что действительно был психически болен; если "Нет" - значит обресть себя на дальнейшее пребывание в этой психтюрьме. Я ответил:

- Я чувствую себя здоровым.
- Здоровым или выздор
- Я ведь ясно ответил.
- А все-таки? Мне не...

Но вдруг "ворвалась" Жанна Николаевна:

- Картина вполне ясная. Можно выписывать... - В ее голосе чувствовалось напряжение. Тогда КОЖЕМЯКИНА обратилась уже к ней:

- А вы уверены, что у него больше это не повторится?

Это как-то сразу успокоило Жанну Николаевну:

- А кто из нас может быть уверен, что завтра не заболит? - легко отпарировала она.

Председательствующий, не желая, чтобы я присутствовал при

х/ Мне тогда по ассоциации пришел на память обрывок фразы "и примкнувший к ним ШЕПИЛОВ..." Стоит в тоталитарном государстве кому-либо сверху пустить какую-то глупую фразу, как тут же ее подхватят, будут мусолить без конца, не меняя ни одного слова, настолько опасен здесь хоть малейший проблеск самостоятельного мышления.

начинающейся "перебранке", велел мне выйти - и, как говорится, слава Богу.

Тот же идиотский вопрос - "А вы уверены, что у него больше это /т.е. диссидентские писания/ не повторится?" - задал Жанне Николаевне и прокурор на суде, который должен был утвердить решение врачебной комиссии о выписке меня из больницы. Она ответила то же, что КОЖЕМЯКИНОЙ, и прокурор, скривив губы, тяжело опустился на стул.

Когда я уже выписывался, мне должна была выдать какую-то бумажку та же КОЖЕМЯКИНА. Под конец она вышла со мной из кабинета и уже в коридоре вдруг "размякла":

- Не думайте, Петр Маркович, обо мне плохо: за мной ведь тоже следят оттуда, - подняла она палец вверх... - И советую вам ни о кем не делиться своими мыслями... Вы же умный человек, а пропадете ни за что.

Вот ведь даже подлецу хочется хоть частичку человеческого в себе оставить, хоть как-то зацепиться за звание "человек"...

...О 7-м отделении в Столбах, о его медперсонале осталось у меня двойственное впечатление. Врачи и некоторые санитары там оказались человечными, а средний медперсонал, как правило, - хамский, тупой. Эти роботы в белых халатах - розовощекие, толстомордые здоровяки - потешались над больными, устраивали увеселение из их трагедий. Всех больных, независимо от возраста, называли они "Эй, ты", подзывая их шевелением пальца. "За людей" они больных не считали /хотя сами людьми-то не были/.

Врезалось в память, как одного фельдшера-украинца кто-то опросил, указывая на группу больных, в которой и я очутился: "Что это за люди?", - и тот лениво ответил, беззаботно рисуя веткой какие-то круги на земле:

- Це булы люды.

При этом этот несостоявшийся человек тупо улыбнулся.

Помню и такой случай. Одному больному скульптору врач разрешил делать слепки со статуэток. Так один такой слепок ночью фельдшера стащили, т.е. попросту уворовали у... больного. Ну, разве их можно считать состоявшимися людьми?

Этот невежественный персонал /формирующийся, главным образом, из местных жителей/ и тормозил хорошие начинания зава отделением

в деле ресоциализации /реадаптации, реабилитации/ душевнобольных, что еще в XIX веке - в условиях даже царской /!/ России - стал осуществлять психиатр-гуманист КОРСАКОВ¹. Идея последнего заключалась в том, чтобы в условиях больницы /изоляции/ создавать для больных условия микросоциума, т.е. всей той обстановки, которая имеется в обществе, вне стен больницы, с тем, чтобы больные чувствовали себя людьми, личностями, чтобы имели возможность заниматься творческой деятельностью, чтобы к ним относились чутко, как к людям, не подчеркивая, что они - больные. С этой целью нашим отделением Н.Г. ИТКИН создал клуб, где больные - в то время, когда у них наступало просветление, - выступали с чтением стихов, участвовали в самодеятельности, занимались живописью, скульптурой и даже читали лекции, по поводу которых возникали интересные дискуссии. Вечера сопровождались чаепитием.

Все это показалось подозрительным /"непонятным"/ высокому начальству, которому о каждом шаге в клубной жизни докладывали сексоты из среднего медперсонала.

Как и всякую живую идею у нас, и это святое начинание, наконец, удушили... Не стало в Столбах ни ИТКИНА, ни клуба. Единственный луч света погас. Все затянулось тиной.

...Важно остановиться еще вот на каком феномене. /О нем никто почему-то не пишет./ В нашей судебной практике имеются не только факты, когда здоровых людей за политические "преступления" /т.е. высказывания/ объявляют душевнобольными, но и факты, когда душевнобольных объявляют совершившими преступления. Так, в 7-м отделении находился дебилообразный парень, который оказался здесь из-за якобы совершенного им убийства. Поскольку я вмешивался, когда его обижали, опекал из жалости, то он мне рассказал свое "дело". Он работал на каком-то предприятии, жил в общежитии. Его пригласила на день рождения сынишки одна сотрудница. Парень купил "пугач" в качестве подарка. Идя к сотруднице, он раньше зашел в буфет общежития и вертел в руке "пугач". Через день на улице, недалеко от общежития, был убит человек. Буфетчица рассказала сотрудникам милиции, которые пришли в общежитие, о... "пугаче" /который она, очевидно, приняла за револьвер, а, возможно, ей тут же или потом "подказали", как надо говорить/. И этого оказалось

1. Сергей Сергеевич Корсаков, 1854-1900, рус. психиатр.

достаточно, чтобы признать парня... убийцей. Никаких других свидетелей и доказательств не было. Возможно, милицейским работникам лень было искать подлинного преступника, а возможно, кто-то был заинтересован замести следы, - и поскольку отчитаться за раскрытие преступления милиция обязана, то случай с "пугачом" оказался для следователя находкой. Тем более, что парень - тихий, дебилообразный, поддающийся нажиму - как раз то, что надо. Очевидно, так он и стал жертвой. Но это же - трагедия: загублена целая человеческая жизнь. Он мне показал свою фотографию, сохранившуюся у него: это был вполне благообразный парень, - и каким же жалким, загнанным, зачумелым, забитым стал этот несчастный человек здесь, в больнице!..

Я, конечно, не ручаюсь за истинность моей версии /на то она - лишь версия/, но если можно было по милицейской версии, основанной на одном "факте" с "пугачом", обвинить человека в убийстве и заточить его в "психушку" на длительный срок /по существу навечно/, то тем более можно на основании моей версии пересмотреть это дело. Об этом я и сказал психиатрам 7-го отделения. Но они мне ответили:

- Мы - врачи и не имеем права вмешиваться в следственные и судебные дела. Наше дело диагностировать и лечить.

- Но вы же еще и граждане, личности, имеете право поставить вопрос о пересмотре дела как граждане, которые к тому же по роду своей служебной деятельности не могут¹ не вникать в суть преступлений, совершенных их¹ подопечными больными...

Этот пример - лишнее свидетельство директивностного типа мышления, ведущего к паралогистическим передержкам даже у таких психиатров, которые хотят остаться нравственными людьми, но все же подавлены атмосферой всеобщего беспрекословного повиновения в царстве тоталитаризма.

"Я бы..."

Выйдя на волю, я оказался на вечном учете в психдиспансере /о чем я когда-то тоже не имел никакого представления/. А это означает, что я одновременно и на свободе и не на свободе /вот

1. В получ.копии "можете... вашими".

это ди-а-лек-ти-ка!/, поскольку диспансер выполняет роль полицейского надзора. Словом, уже многие годы нахожусь под "охраной" полиции - психиатрической. Так я оказался в касте неприкасаемых, - и это, как оказывается, на всю жизнь /пожизненно!/. Через диспансер КГБ следит за каждым моим шагом.

Так, через несколько месяцев после моего возвращения из заключения, меня вдруг срочно вызвали в диспансер:

- Я должна вас предупредить... - начала участковый врач и... стала краснеть. - А, впрочем, пойдемте к главврачу.

Главврач сказал все четко и ясно, без обиняков:

- Вы снова занимаетесь болтовней.

- Если разговоры о погоде, о быте, о магазине - болтовня, то кто этим не занимается?

- Бросьте, нам все известно...

И я ломал себе голову: что же и откуда ему может быть известно? По телефону, который подслушивается, я "ничего лишнего" не говорю. Что же, есть аппараты, подслушивающие разговоры даже в собственной квартире? И "сотрудники" сообщают об этом диспансеру, требуя от врачей "принять меры", т.е. выполнять функции полицейского надзора? Веселенькая история, не правда ли? Я старался отвечать как можно спокойнее:

- Во-первых, ничего предосудительного вам известно быть не может по той простой причине, что ничего антиконституционного я не говорю. Во-вторых, болтовня, как вы выразились, не является показателем социальной опасности с точки зрения психиатрии. А, в-третьих, разве здесь не медицинское заведение, а участок тайной полиции, и разве вы - представитель не медицинской науки, а - карательных органов?

- Вы же - умный человек: неужели вам непонятно?... - вдруг почти умоляюще посмотрел он на меня.

Вот так обычно: если падший человек сохраняет хоть капельку чувства стыда, он начинает взывать к... разуму своей же жертвы: пойми же, жертва, я хочу жирно, вкусно кушать и жить, а посему не могу тебя не съесть, иначе меня, чего доброго, понизят в должности...

- Мм... Да, - говорю, - понятно. Но ведь я психически совершенно здоров, а вы на учете должны держать только больных. А?

- Наивный человек! Еще раз поймите же: хотя вы и здоровы, тысячу раз здоровы, мы будем держать вас на учете многие годы - столько, сколько надо будет...

- Т.е. столько, сколько вам ведут немедицинские органы?

М о л ч а н и е.

...Прошли годы, и новый участковый врач вызывает меня. Я решил, что опять хотят "предупредить"... Оказалось, не то. После некоторых наводящих вопросов /для выяснения моего психического состояния/ врач-женщина вдруг заявила:

- Вы знаете, я просматривала все карточки... Хочу освободиться от балласта. Как вы себя сейчас чувствуете?

- Соматических болячек у меня неprovорот. Что же касается психики, то она у меня всегда была и сейчас является здоровой.

- Я это вижу. Так вас надо снимать с учета, - улыбнулась она. - Как вы на это смотрите?

- Конечно, надо. Держать здоровых людей на учете - просто позорно. /"Неужели какое-то новое веяние?" - мелькнуло у меня./

- Нужна только характеристика с места работы.

Я насторожился:

- Вот это мне уже непонятно: если вы, врач-психиатр, решаете, что я здоров, то при чем характеристика? Ведь психиатры твердят, что им виднее, кто здоров, а кто болен... Ну, допустим, я не работаю или у меня плохая характеристика с места работы, - так что, это определяет состояние психического здоровья? Что, только передовики производства - психически нормальны?

Она смутилась:

- Вы правы, конечно, но так полагается... Не я же одна буду снимать вас с учета, а комиссия во главе с главврачом - по моему представлению. Кстати, а как вы, здоровый человек, оказались у нас на учете?

Я понял, что подробную "историю болезни" из Столбов в диспансер не посылают, а, очевидно, только краткую выписку; понял, что участковый врач ничего о моем "деле" не знает. Как же быть? Исходя из того, что ложь в данном случае свята, я мог бы придумать какую-то чепуховую бытовую историю, приведшую меня в психбольницу, но главврач ведь знает мое "дело" /он со мной уже когда-то беседовал/. И я сказал обтекаемо:

- Я как-то высказался по поводу того, что у нас с демократией дело обстоит неважно, что ее надо вводить не гомеопатическими дозами, а полной пригоршней.

И вот вижу: улыбка с лица моей врачихи куда-то уплывает, лицо вытягивается, глаза расширяются:

- Гм... Понятно... Значит, налицо был симптом потери способности ориентироваться в действительности, в действительной обстановке, - краснея, выдавила она.

Я повторил ей то, что когда-то говорил ЛУНЦУ, добавив:

- Писатели великой русской литературы на подобную "логику" ответили еще в прошлом веке: тех, кого лунцы считают больными, потерявшими способность ориентироваться в действительности, великие писатели полагали нравственно-полноценными людьми - Чацкого, Мышкина...

Через пару месяцев участковый врач позвонила мне:

- Видите ли, я бы вас сняла с учета, но проконсультировалась и выяснила, что сделать это не удастся... Да и, в конце концов, не все ли вам равно, на учете ли вы или нет?... Словом, извините...

Вот так-то.

После всего этого мне в руки попала статья академика СНЕЖНЕВСКОГО, в которой он пишет черным по белому, что у нас нет /да и не может быть!/ случаев помещения в психбольницы здоровых людей...¹ Как же можно ученому набраться такого бесстыдства?

Да, к сожалению, немало ученых /и даже талантливых/ оказываются марионетками в руках политиканствующих посредственностей. И тогда уж - прощай мораль, прощай логика. Ученость в одной /узкой/ сфере уживается с логической беспомощностью в других сферах. А отсюда недалеко и до совместимости учености /и даже однолинейной гениальности/ со злодейством. Но что действительно несовместимо, так это подлинная умность /мудрость/ и злодейство /аморальность/.

Логическая беспомощность особенно пагубна у специалистов, ответственных за судьбы людей. Так, если психиатром стал человек, неспособный строить правильные силлогизмы, то это, как мы видели, уже опасно. Ну, а если психиатр строит неправильные силлогизмы

1. Ср., напр.: его показания на проц. П.Якира (см. Хр.30:70, "Изв.", 31.8.73) и Откр. письмо 21-го психиатра и невропатолога, в т.ч. А.Снежневского ("Лит.газ.", №40, 3.10.73, с.9).

намеренно, цинично - из угодничества перед властями, из трусости или из желания выслужиться или защитить на трагедии людей диссертацию, обеспечить себе материальное благополучие, продавая свою медицинскую честь дьяволу, или из-за смеси всего этого, - то это - полная катастрофа. В этом случае паралогистика, ставшая софистикой, определяется аморальностью /этическим пигмейством/. Именно с подобным явлением мы сталкиваемся у СНЕЖНЕВСКОГО, у ЛУНЦА. У КОЖЕМЯКИНОЙ же и особенно у ШАФРАНА мы сталкиваемся с ситуацией, когда логическая несостоятельность /неумение правильно мыслить/ и моральная глухота идут навстречу друг другу, взаимобуславливают друг друга, находятся в обратной связи.

В плену наивности

Но вот - удивительное дело: когда обо всех наших психиатрических трагедиях узнают западные специалисты, они полагают, что речь идет просто о диагностической неурядице, и начинают вести с нашими психиатрами дискуссию, главным образом, о диагностике - на обыкновенном логическом уровне. Например, о том, правомерно ли говорить о вялотекущей шизофрении. Наивные люди: им невдомек, что паралогистика наших полицейских психиатров вырастает просто-напросто из антиэтического состояния их сознания, до которого доводит их наш тоталитаристский образ жизни, как уже упоминалось выше. Они упускают из виду, что та же придуманная этими нашими психиатрами "вялотекущая шизофрения", которую можно приписать огромному множеству практически здоровых людей, нужна им как раз для того, чтобы логическая неопределимость ее /этой "болезни"/ служила прикрытием их полного аморализма, их измены медицинской этике, их клятвопреступничества /поскольку они нарушают, как сказано уже, клятву Гиппократов/.

Ввиду этого главный спор с нашими "ведущими" психиатрами надо вести не просто о диагностике, в лабиринтах которой они - подчеркиваю - готовы утопить всякую человечность, а прежде всего о том, какой человек, признанный психически больным /пусть даже и обоснованно/, может и должен считаться социально опасным, т.е. кого можно и

должно изолировать насильно, принудительно.

Пусть мы даже поверили бы лживым, бесстыдным утверждениям СНЕЖНЕВСКОГО, будто у нас здоровых не помещают в психбольницы, пусть, допустим, туда помещают только больных, - но встает во весь рост один главный вопрос: правомерно ли принудительно помещать в больницу любого душевнобольного, т.е. любой ли душевнобольной социально опасен? Каков критерий социальной опасности, влекущий за собой моральное право насильственно изолировать /помещать в больницу/ душевнобольного?

Совершенно естественно, что, с точки зрения мировой психиатрии, этики, логики /критерии которых на уровне подлинности совпадают/, социально опасными /т.е. опасными для граждан, для общества/ являются лишь те душевнобольные, которые могут причинить ущерб жизни, здоровью, имуществу, человеческому достоинству окружающих людей или ущерб их общественной собственности. И только. Наши же психиатры, зараженные паралогистическим "мышлением", полагают социально опасными тех больных /равно как полагают больными тех здоровых/, которых таковыми считают... политические власти, т.е. тех, которые неуютны последним, которые опасны с точки зрения наличного политического режима. Иначе говоря, они подменяют понятие "социально опасный" понятием "государственно опасный", а "государственно опасный" - понятием "режимо-опасный" /опасный для режима/, а "режимо-опасный" - понятием "опасный для власти предержащих", для их личных политических интересов /т.е. опасный лишь в том смысле, что слово, мысль "больного" могут привести к тому, что последних народ забаллотировывает/. Но ни одному психиатру в правовых /нормальных!/ государствах не придет в голову считать социально опасным /= подлежащим принудлению/ человека даже с душевным расстройством, выступающего против того или иного государственного режима /если он, конечно, не террорист/, за те или иные демократические реформы, с призывом забаллотировать тех или иных власть имущих /пусть даже дает он им самые резкие отрицательные оценки/. Ибо совершенно естественно, что все это никакого отношения к психиатрии, к медицине не имеет, не может и не должно иметь /как не имеет и к понятию "социально опасный"/, что таких людей психиатрические /= медицинские!/ учреждения не имеют ника-

кого морального /и правового!/ основания изолировать, тем более насильственно, принудительно.

Если бы психиатрия в цивилизованных, демократических странах стала на путь признания социально опасными людей, выступающих /письменно или устно/ с критикой наличной политической или социально-экономической системы, с призывами голосовать против адептов этой системы, против тех, кто оказались у власти, - то такими /т.е. социально опасными, подлежащими принудительной изоляции/ были бы признаны коммунисты, социалисты, все левые силы. Но ведь этого ни один нормальный человек в культурном мире, на Западе не станет требовать: тип мышления там свободно-критический, логика нормальная, описанная еще АРИСТОТЕЛЕМ.

Стало быть, в первую очередь мировая психиатрия должна была бы протестовать против бытующего у нас научно несостоятельного, морально порочного критерия определения "социально опасный больной, подлежащий принудлению", и наряду с этим, конечно, против той антимедицинской "диагностики", согласно которой в разряд больных зачисляют практически здоровых в психическом отношении. Причем протестовать не вяло, не время от времени, по поводу отдельных случаев токмо, а во весь голос, систематически, решительно, поднимая для этого всю мыслящую общественность.

Я не хочу всем этим сказать, что злоупотребления психиатрией имеются только у нас: я весьма далек от идеализации Запада. И в Западной Европе, и в США имеются факты не только расправы частных лиц с неугодными им людьми при помощи коррумпированных психиатров, но и факты изоляции в психбольницы из политических соображений /хотя и без указаний высшей центральной власти/, что само по себе уже является позором. Однако там, в демократическом обществе, как только подобное становится известно общественности, журналистам, юристам, честным врачам, разражается крупный скандал; представители общественности /в том числе оппозиционной/ имеют право вмешиваться, посещать больницы /равно как и места заключения/, требуют в печати, по радио, телевидению освобождения пострадавших. И пострадавших освобождают. А у нас, как всем известно, протестовать невозможно, гнойники не вскрываются, и болезни общества загоняются все больше и больше вглубь.

Вместо заключения"Да здравствует психика вола!"

Недавно в СССР приезжал видный английский психиатр профессор Гарри ЛОУБЕР¹. Был он в гостях и у меня. Он рассказал, что встречался с рядом ^{лиц²} признанных у нас "больными", состоящих на поихучете, и пришел к выводу, что они совершенно здоровы. О Владимире Львовиче ГЕРШУНИ, которого ряд лет и особенно жестоко терзали в спецтюрьме, он даже выразился так: "Идеально здоровая психика". Мы беседовали об изложенных в этой статье соображениях, и наши взгляды оказались почти идентичными. В "заключение" он сравнил наших психиатров с гестаповцем, заявившем: "Wer Jude ist, bestimme ich" /Кто еврей, определяю я/. При этом кто-то спросил его:

- Вот французский психиатр ЧЕРТОК³ утверждает, что у диссидентов отсутствует инстинкт самосохранения, раз они сопротивляются колоссу - государству-левиафану, - стало быть, они психически ненормальны.

ЛОУБЕР громко рассмеялся:

- Значит, и у нас есть люди с тоталитаристским типом мышления. Но они достойны только осмеяния. По этой куцей логике все, кто сопротивлялся фашизму, "могучему рейху", тоже были психически ненормальными. Слава Богу, подобных психиатров у нас по пальцам можно пересчитать.

- При торжестве такой "логики", - заметил я, - история бы остановилась, человечество бы сгнило от духовной энтропии.

Присутствующие к этому суждению отнеслись со всей серьезностью: такая перспектива не может не удручать...

Но вот через несколько дней я встретился с двумя нашими психологами /кстати, молодыми и как будто бы грамотными/ - и ужаснулся: они - невозмутимо, с олимпийским спокойствием - отстаивали "нормальность" рабской психологии и "патологичность" психологии сопротивления, - и я "понял": так вот она, подоснова снежневско-лунцевской психиатрии! Они "доказывали":

1. Побывал в Москве 11-15.4.78.

2. В получ.копии слово "лиц" отсутствует.

3. Leon Chertok; в получ.копии "Чертог" - опечатка.

- У русского народа - здоровая психика.

- А что это значит?

- Это значит, что ему "до лампочки", кто над ним стоит - дурак ли, умный ли: ему надо жить, пожрать, выпить, а не пробивать лбом стену. Кто пробивает лбом стену, у тех - больная психика.

- Во-первых, те,¹ кто пробивает лбом стену, тоже относятся к русскому же народу, - замечаю я. - А, во-вторых, если критерием здоровой психики является стремление пожрать /кстати, такое представление о русском народе, нежно говоря, снобистски-поверхностное/, то тогда самая здоровая психика у вола и - да здравствует она!

- Ну, и что же? Лишь бы фашизма не было.

- Но надо еще определить, что такое фашизм. А? И как называть режим, который судит за мысль, за слово /как только на днях ОРЛОВА²/, который даже фотографии не разрешает дарить друг другу? /И я рассказал им, как на таможне отобрали у нашего гостя ЛОУБЕРА мою фотографию, которую я ему подарил по его просьбе./ Разве демократический режим позволил бы себе такую низость?

- Но мы же не трогаем другие народы?

- А Чехословакию в 68-м году?

- Мм... Но тут уже замешаны убеждения.

- Нет, не в различии убеждений сейчас дело, а в обыкновенном унижении человеческого достоинства: стыдно жить! Разве можно психику человека, лишенного стыда, чувства собственного достоинства /утирающегося, когда на него льют помой, когда над ним потешаются, когда его ни во что не ставят/, считать здоровой? Еще ЛЕНИН высмеивал рабов, у которых "слюнки текут" от умиления своим рабским состоянием... С точки же зрения тоталитаристской теории психологии, самая здоровая психика - психика робота.

Мои собеседники слегка сникли, но не сдавались.

1. В получ.копии "те," пропущено.

2. 18.5.78 Юрий Орлов был осужден по ст.70 УК РСФСР на 7 лет ИТК стр. реж. + 5 лет ссылки.

И я подумал: ведь при подобном психологическом и психиатрическом мышлении, которое просачивается уже и в цивилизованную Европу /вспомните упомянутого выше французского психиатра/, становится актуальным вопрос: а может ли человечество доверять психологам, и тем более психиатрам, судьбы людей? Не приведет ли все это к тому, что с помощью психиатрии да и психологии /науки!/ будет подавлено все оригинальное, мыслящее, творческое, личностное, гениальное, мудрое как... аномальное, ненормальное, а все посредственное, серое, тупое, конформистское, безмозглое, раболепствующее будет объявлено парадигмой нормальности, нормой?! Ведь это чревато вытравливанием самой сущности человека. Не пора ли общественности взять психиатрию /да и науку в целом/, равно как и государство, под свой контроль? Пора, давно пора.

АС №3594. Аноним. сост. "Процесс Василия Овсиенко", вкл. письма и заявления Укр. ОГС, О.Мешко, М.Мельника (без места, конец февраля или начало марта 1979).⁺¹

Процесс Василия ОВСИЕНКО²

7-8 февраля 1979 г. в районном суде г.Радомышля³ Житомирской обл. состоялся суд над Василием ОВСИЕНКО, обвиняемым по ст.188-1 ч.2 УК УССР - "сопротивление милиции во время исполнения ими обязанности охраны общественного порядка"⁴.

Судья - КОВАЛЕНКО, нар. заседатели - СТАТКЕВИЧ, КУШНИРЕНКО. Прокурор - Л.СИТЕНКО⁵. Адвокат - С.М. МАРТЫШ.

Подсудимый был признан виновным и приговорен к трем годам лишения свободы в ИТК строгого⁶ режима /максимальный срок по данной статье - 5 лет/.

Обвинение сформулировано в акте: "...сопротивление милиции ...лейтенанту БАЗЛЕНКО⁷ и капитану СЛАВИНСКОМУ... напал на к-на СЛАВИНСКОГО, схватив его за грудь и оторвав две пуговицы от его плаща".

Вещественным доказательством служил плащ к-на СЛАВИНСКОГО с двумя оторванными пуговицами, представленный через 29 дней после начала следствия.

Из семи свидетелей обвинения четверо - работники РОВД, один - председатель сельсовета⁸. Часть свидетелей была приведена неким человеком в штатском, который до этого фактически руководил задержанием на улице /В.ОВСИЕНКО и двух его гостей - О.МЕШКО и О.ОРЛОВОЙ⁹/ и затем - допросом в помещении сельсовета села Ленино, во время которого и состоялся якобы инцидент с "сопротивлением милиции". Свидетели были приведены уже после "инцидента". Человек в штатском следствием разыскан не был и на суде не присутствовал.

⁺Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. Неполный перевод на укр. яз. см. в газ. "Свобода", 25.5.79.
2. О процессе см. также АС №3531.
3. В получ.копии здесь и далее "Родомышль"/"Родомышльский" - ошибка. ("Радомышленский" в АС №3531:1, абз.3 - ошибка.)
4. Точнее: "Сопротивление работнику милиции-или нар. дружиннику при исполнении ими обязанностей по охране обществ. порядка".
5. Л.И. Ситенко (см. АС №3502:2).
6. В получ.копии слово "строгого" отсутствует.
7. "Газленко" (Владимир Иванович) в АС №3502; "Базлюк" и "Базленко" в получ.копии АС №3531, в перепечатке - "Газленко".
8. Сергей Иосифович Науменко (см. АС №3502:2).
9. Оксана и Ольга соотв.

"Свидетель" ОЛЕКСИЕНКО, кочегар сельсовета, показал, что видел через окно сельсовета, как ОВСИЕНКО крутил пуговицу шинели к-на СЛАВИНСКОГО.

На суде свидетели путались в своих показаниях.

Еще во время следствия адвокат С.М. МАРТЫШ /Дарницкая юр-консультация г.Киева/ ходатайствовал о прекращении дела за отсутствием состава преступления.

Следователь ДЬЯЧЕНКО¹ отклонил ходатайство.

В протоколах предварительного следствия записано и такое:

"...привлечение к судебной ответственности Оксаны МЕШКО за плевок на лейтенанта милиции БАЗЛЕНКО отклонить за неимением как такового".

Прокурор Л.СИТЕНКО копию заявления Василия ОВСИЕНКО в Верховный Совет УССР о желании эмигрировать, с комментариями "компетентной инстанции" предъявил суду как одно из доказательств вины подсудимого, как его отрицательную характеристику.

+ + +

Василий ОВСИЕНКО, 1949 г. рождения, бывший политзаключенный /был осужден на 4 года лишения свободы в лагере строгого режима по ст. "антисоветская агитация и пропаганда" - ст.62 УК УССР/, после освобождения в 1977 г. находился под административным надзором /гласный надзор милиции; находящийся под надзором должен соблюдать особый режим.../ и негласным наблюдением КГБ. Педагог по профессии /университетское образование/, он вынужден был работать не по специальности и фактически - по условиям надзора - был прикреплен к селу Ленино, в котором в небольшой хате проживает его многодетная мать, вдова инвалида Отечественной войны.

Таким образом, внешняя сторона его существования была обременена тяжелой обстановкой административного надзора, цель которой - сломить личность...

Осенью 1978 г. В.ОВСИЕНКО обратился с заявлением в Верх. Совет УССР - просьба о разрешении выехать за пределы СССР. Только во время следствия стало известно, что американский профессор

1. Кузьма Иванович Дяченко (по-укр.), следователь прокуратуры Радомышльского р-на (см. АО №3502:1).

ЧИНЧЕНКО¹ выслал ему вызов о гарантии материального обеспечения. Этот вызов не был вручен В.ОВСИЕНКО.

+ + +

Перед началом процесса О.МЕШКО выдворили из зала суда, несмотря на ее просьбу позволить ей присутствовать при чтении обвинительного акта. После этого она подала письменный протест и просила зачитать его перед началом допроса свидетелей, мотивируя тем, что она²/как.и О.ОРЛОВА/ - единственный³ свидетель происшедшего инцидента, и потому ее показания /изложенные в "протесте"/ должны быть выслушаны в первую очередь. В своем "протесте" О.МЕШКО пишет: "Утверждаю, что я, Василий ОВСИЕНКО и Ольга ОРЛОВА были единственными свидетелями события, которое случилось в с.Ленино 18 ноября 1978 г. Участниками и исполнителями беспрецедентного и грубого нападения на нас троих были двое милиционеров и третий, в черной штатской одежде. Именно он был организатором и вдохновителем нарушения общественного порядка на безлюдной сельской улице, а после - в помещении сельсовета, без свидетелей и посторонних людей".

Далее О.МЕШКО описывает событие, послужившее поводом для возбуждения уголовного дела: председателя сельсовета, находившегося⁴ в своем кабинете с каким-то человеком, попросили выйти из здания. Трех задержанных - О.МЕШКО, О.ОРЛОВУ, В.ОВСИЕНКО - развели по кабинетам для допроса. МЕШКО допрашивал СЛАВИНСКИЙ, инспирируя "установление личности" /в руках у него был ее паспорт/. С ОРЛОВОЙ "беседовал" неизвестный в штатском, отказавшийся предъявить свое служебное удостоверение. Лейтенант БАЗЛЕНКО находился возле ОВСИЕНКО; время от времени выходил из кабинета для проверки входного коридора.

Затем произошла перестановка: капитан СЛАВИНСКИЙ стал допрашивать ОРЛОВУ, человек в штатском - МЕШКО. Последняя, когда неизвестный перешел границы дозволенного, стала кричать и требовать свидетелей. Человек "инкогнито" со словами "Ну, будут вам и свидетели, будут и люди" выскочил из помещения. "Тогда-то и появи-

1. Вероятно, Iwan Chinchenko, род. 1905 на Украине, ботаник и физиолог растений, с 1961 гражданин США; живет в Виннипеге, Канаде (биограф. см. в кн. "Ukrainians in North America", Champaign, Ill., USA, 1975, с.43).
2. В получ.копии слово "она" отсутствует.
3. Так в получ.копии.
4. В получ.копии "находящегося".

лись "свидетели", т.е. работники милиции, какой-то парень и служебное лицо, председатель сельсовета. Эти "свидетели" на допросе не были. Они подписали протокол /составленный СЛАВИНСКИМ - о моем "непристойном поведении", что я "оскорбляла и ругала" работников милиции/ не читая. Мне и ОРЛОВОЙ учинили обыск "чистыми" руками "свидетеля"..."

"В роли подсудимого оказался один из трех пострадавших от нападения трех служебных лиц - поднадзорный Василий ОВСИЕНКО. С таким же успехом могли обвинить и меня, и совсем непонятно, почему следователь ДЬЯЧЕНКО такую возможность привлечь меня к уголовной ответственности отклонил /как записано в деле В.ОВСИЕНКО/.

Поэтому обращаюсь к вам, судьи, и прошу дело передать на до-
следование и не компрометировать советское судопроизводство "ми-
лицейской пуговицей" СЛАВИНСКОГО, за которой скрыли преступление
должностного лица - "человека в черном".

+ + +

После суда Украинская группа "Хельсинки" составила сообщение, в котором, обрисовав происшедшее, заявляет:

"Случай с Василием ОВСИЕНКО /вспомним аналогичное дело В.¹СМОГИТЕЛЯ, музыканта и композитора, в марте 1978 г./ - не един-
ственная иллюстрация положения с правами человека в Советском
Союзе, в частности дискриминационной политики в отношении эми-
грации людей украинской национальности, в частности инакомыс-
лящих украинцев.

Уголовное дело Василия ОВСИЕНКО - это недоказанная вина, это ложь официальных особ, причастных к фабрикации и узакони-
ванию клеветы на честного, достойного человека...

Василий ОВСИЕНКО на следующий день после агрессивного нападе-
ния на него, О.МЕШКО и О.ОРЛОВУ употребил все возможные в его по-
ложении способы самозащиты. А именно:

1. Переслал прошение с просьбой ² вмешаться в его дело
секретарю ЦК КПУ В.В. ЩЕРБИЦКОМУ³;

1. Вадим; о нем см. АС №3195:9-10, 3387:37, Хр.48:125-128.

2. В получ.копии "вступиться".

3. Изложение письма см. в АС №3502:2; Владимир Васильевич.

2. Заявление в Радомышльский суд по поводу издевательств, совершенных БАЗЛЕНКО, СЛАВИНСКИМ 18 ноября 1978 г.;

3. Протест прокурору района в связи с происшедшим 18 ноября.

О.МЕШКО также подала жалобы 6.01.79 в три адреса: 1. Секретарю ЦК УССР В.ЩЕРБИЦКОМУ; 2. Генеральному Прокурору СССР РУДЕНКО; 3. Прокурору республики ГЛУХОВУ.

Все эти заявления не нашли позитивного отклика, не привлекли внимания ни одного из ответственных лиц высших советских инстанций. "Дело" В.ОВСИЕНКО быстро продвинули с первого этапа следствия на суд.

Чтобы прекратить узаконивание лжи, О.МЕШКО, за четыре дня до суда, обратилась с письмом от 3.02.79 г. к председателю украинского филиала Комитета защиты мира О.¹ГОНЧАРУ, а 14 февраля, уже после осуждения В.ОВСИЕНКО, направила ему еще одно прошение: предотвратить автоматическое подтверждение приговора в кассационной инстанции Житомирского обл. суда. Но долго, очевидно, придется ждать ответа от этой общественной и одновременно государственной инстанции.

А тем временем Василий ОВСИЕНКО уже в тюрьме - после осуждения его первой судебной инстанцией его сразу взяли под стражу. Не дали даже остановиться над бессильно упавшей матерью..."

+ + +

Письма и заявления

Обращение О.МЕШКО к депутату, члену Комитета защиты мира О.ГОНЧАРУ /3.02.79/.

Описав событие, имевшее место 18 ноября 78 г., и последовавшее за ним "дело", тенденциозное предварительное следствие, автор пишет:

"Обращаюсь к Вам с просьбой о защите В.ОВСИЕНКО... Кто такой В.О.²?.. Человек с творческой потенцией, В.О. не живет, а гниет: его закрепили безвыездно в хате своей старой многодетной матери... Специфика условий жизни поднадзорного, в том числе еже-

1. Олесь.

2. Т.е. В.Овсиенко.

дневно домашний арест с 21 до 7 часов, лишает его возможности развивать свой интеллект, знакомиться и общаться с людьми, близкими ему по интересам, а также возможности создать нормальную семью /ему 30 лет/... Инцидент 18 ноября 78 г. и его судебное "дело" - это тот ответ, который дали власти В.О. на его желание выехать за пределы СССР".

"В редакции газет "Радянська Україна", "Молодь України" от М.МЕЛЬНИКА /копия - Пред. Сов. Министров СССР ЛЯШКО/, 16.02.79".

Автор просит редакции газет вмешаться в "дело" В.ОВСИЕНКО.

Он пишет:

"Сложность этого судебного дела в том, что будто бы В.ОВСИЕНКО сопротивлялся офицеру милиции, когда они были без свидетелей. В таком положении бывает в одинаковой мере тяжело доказать свою правоту и потерпевшему, и подсудимому. Но т.к. в данном случае потерпевшим является известный в обществе и влиятельный в районе человек, а подсудимым - одиозная поднадзорная особа с официально сомнительными идеологически политическими данными, то это может не только в какой-то мере повлиять на рассмотрение этого судебного дела, но и оказаться несправедливо фатальным для ОВСИЕНКО. Ведь не может не беспокоить тот факт, что на Украине практически каждый человек, который отбыл наказание по ст.62 ч.1 УК СССР, через короткий срок /1-3 года/ вынужден либо эмигрировать, либо вновь оказаться в тюрьме... Даже непрофессиональное ознакомление с судебным процессом вызывает сомнение в объективности ведения судебного дела и приговора.

1. Следователь Радомышльской прокуратуры ДЬЯЧЕНКО не разыскал "особу в штатском", которая была душой... операции в с.Ленино 18.11.78 г., во время которой ОВСИЕНКО будто бы сопротивлялся милиционеру...

4. Комплекция и прочие физические данные СЛАВИНСКОГО и ОВСИЕНКО плюс профессиональная выправка и вышколенность СЛАВИНСКО-

ГО. Не¹ укладывается в голове, чтобы нормальный /а это - так/, трезвый /несомненно/ человек с незавидными физическими данными кидался на вышколенного здоровяка. Уж не говорю о том, что ОВСИЕНКО - интеллигентный человек, который никогда не был замечан в хулиганских поступках, и знает из собственного опыта цену жизни, свободе и нашу действительность".

/Адрес отправителя: с.Погребы, Броварский р-н, Киевская обл.,
Михаил МЕЛЬНИК²/

-
1. В получ.копии "...Славинского - не".
 2. Его некролог см. АС №3577.

АС №3595. Лев Гендин, еврей-отказник. Обращение к американскому правительству, всем честным людям мира с просьбой спасти его от преследований КГБ (без места), март 1979.⁺

Я подал документы с просьбой разрешить мне выезд в Израиль еще в апреле 1972 года. Однако получил отказ по режимным соображениям.

Сейчас - март 1979 года, а моя виза в Израиль становится для меня недостижимой, потому что органы КГБ решили упрятать меня в тюрьму. Следователь КГБ майор БЕЛЯЕВ Н.Н. заявил мне: "Если вы вступите в конфликт со следственными органами, то это поставит непреодолимые преграды на пути вашего выезда в Израиль".

Я провел более 150 суток в различных тюрьмах СССР за участие в мирных демонстрациях в защиту узников Сиона, за свободу эмиграции евреев из СССР, а теперь КГБ решил на долгие годы бросить меня в тюремные застенки за "антисоветскую агитацию и пропаганду" по статье 70 УК РСФСР. Меня хотят обвинить в расклеивании листовок в защиту ЩАРАНСКОГО, ГИНЗБУРГА и ОРЛОВА. Попытка защитить этих людей, безусловно, дело благородное, ибо они - невинные жертвы КГБ, и эта попытка не имела ничего общего с антисоветской пропагандой. Однако органы КГБ хотят таким образом расправиться со мной.

Еще в декабре 1977 года следователь КГБ подполковник ЧЕЧЕТКИН, допрашивая меня по делу А.ЩАРАНСКОГО, угрожал мне преследованием по разным статьям уголовного кодекса. Он зачитывал мне выдержки из моих рассказов "Мой визит на Архипелаг ГУЛаг"¹ и "Месть", отпечатанных в 1975 году, и говорил: "Это же клевета на советскую власть" /по ст.190-1 УК РСФСР/. Кроме того, он говорил

⁺Текст опубликован в газ. "Наша страна", 5.6.79.

1. См. АС №1903.

о возможности привлечь меня к уголовной ответственности и за другие дела, явно не политического, а уголовного характера.

В настоящее время органы КГБ разыскивают меня, и я вынужден скрываться. Я не желаю стать очередной жертвой КГБ, я никогда не занимался "антисоветской деятельностью", меня это не интересует, моя цель достаточно ясна - отъезд в Израиль, где меня ждет моя жена Авива, с которой мы разлучены более шести лет.

Я прошу американское правительство, всех честных людей мира спасти меня от преследования КГБ, пока еще не поздно. Если в СССР человека уже арестовали, то крайне трудно вырвать его на свободу. Сейчас вы еще можете мне помочь, потом будет поздно.

Лев ГЕНДИН¹

1. Лев Авраамович Гендин, 1941 г.р., инж. по электронике, жена Авива Клейн-Гендина в Израиле с 1972; автор АС №2502; подписал №№1235, 1297, 1503, 2264, 2296, 2451, 2532, 2558, 2632, 2646, 2761, 2909-б, 2966, 3051:32, 3051:47, 3051:51, 3200, 3267:6, 3299:26.

АС №3596. Виктор Некипелов. "Опричнина - 79 /Политические расправы уголовным путем/. Выпуск 1. Книжные погромы в СССР" (г.Камешково, Владимирская обл.), март 1979.⁺

ОПРИЧНИНА - 79 /Политические расправы уголовным путем/

Выпуск 1. КНИЖНЫЕ ПОГРОМЫ В СССР

/Обыски по делу неподцензурного самиздатовского журнала "Поиски"^{1/}

Это варварство сравнимо разве что с нацистскими кострами из "крамольных" книг.

Хотя здесь книг не жгли. Их осквернили сыском, свалили в мешки и увезли на какие-то тайные склады. Возможно, там их, в конце концов, тоже сожгут.²

Это случилось не при оруэлловском Ангсоце³ и не в мире книжных пожарников Рея БРЭДБЕРИ⁴ - в сегодняшней Москве, в мирный татьянин день, 25 января 1979 года. Кажется, такой облавы на Слово, таких тотальных изъятий книг и рукописей, как у членов редколлегии московского журнала "Поиски" - Раисы ЛЕРТ, Юрия ГРИММА, Петра ЕГИДЕСА, Валерия АБРАМКИНА, Виктора СОКИРКО, Виктора СОРОКИНА и нескольких их знакомых - не было давно. 11 февраля Мосгорпрокуратура совершила такое же нападение на квартиру Юрия ВЕЛИЧКИНА, пенсионера, инвалида войны. Ранее, в ноябре 1978 года, было проведено 2 обыска у одного из авторов "Поисков", художника и писателя Михаила ЗОТОВА в городе Тольятти.

Налетам придана видимость процессуального действия. "Перед началом обыска, - так пишут они в протоколе, - следователем объявлено постановление от 25 января 1979 г., после чего ЛЕРТ Раисе Борисовне предложено добровольно выдать материалы, содержащие з а в е д о м о л о ж н ы е и з м ы ш л е н и я, порочащие советский государственный и общественный строй, а также другие предметы и документы, имеющие значение для настоящего дела /а какие "предметы" и для какого "дела" - это кто-нибудь разъяснил?/.

⁺Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. Др. отклики см. АС №3529, 3568.

2. См., напр., АС №3567:2, 4.

3. См. кн. Дж. Оруэлла "1984 г."; в получ.копии "орзуэлловском".

4. Bradbury, см. его кн. "451⁰ по Фаренгейту", рус. пер. 1956; в получ.копии "Бредбери".

После того как ЛЕРТ Р.Б. заявила, что у нее таких материалов не имеется /и все заявили/, был произведен обыск, в результате которого обнаружено и изъято..."

И дальше идут листы описей, десятки и сотни номеров. Ах, злоумышленники, такие-сякие, еще и нагали, что нет "порочащих", а они тут - на столах и полках, в папках и россыпом, квартиры буквально набиты этими "порочащими", только оттаскивай мешки!

У Р.Б. ЛЕРТ изъято 54 наименования. Книги стихов Анны АХМАТОВОЙ, Марины ЦВЕТАЕВОЙ, "Охранная грамота" Бориса ПАСТЕРНАКА. Ах, зарубежные издания?! Ну и что же, поэтому - "клеветнические" они? Стихи искажены? И почему вслед за этими книгами отправляет в свой мешок следователь КОРНАКОВА и стихи АХМАТОВОЙ на машинке, 15 листов? И машинописную книгу АЛЬТМАНА "Портрет Анны АХМАТОВОЙ"? И "Записки об Анне АХМАТОВОЙ" Лидии ЧУКОВСКОЙ? Что это? Не только книги, но и жизни величайших русских поэтов до сих пор - под запретом? "Крамола" они, "подрыв"?

Изъято множество рукописей. Вот И.БЕЛОВ, "Разделение труда и перспективы коммунизма", на 1137 листах /!/. Мы не знаем, кто такой И.БЕЛОВ и не читали его книги. Но можно ли себе представить 1137 листов заведомо ложных сведений, "несоответствие которых действительности /это - из кодекса¹/ известно виновному уже тогда, когда он распространяет такие измышления". Т.е. когда писатель еще только берется за перо, так что ли? Да и рукопись, судя по названию, какая-то научная, дискуссионная... А если к тому же она - итог всей жизни И.БЕЛОВА да еще, не дай Бог, была отпечатана в единственном экземпляре?

Нет, московские следователи изымали литературу вовсе не по тому признаку, что был указан, для отвода глаз, в их постановлениях. И никакую не "клевету" отбирали они - гребли подряд: все, что на пишущей машинке, что "не нравится", все, где упомянуто чье-нибудь "недозволенное" имя.

"№23 /это все из протокола Р.ЛЕРТ/. Книга "Грач - птица весенняя", отпечатанная на машинке..."

"№27. А.ГАЛИЧ, "Книга песен" - машинописный текст..."

1. Точнее из "Комментария к УК РСФСР", к ст.190-1, п.2.

И даже такие есть изъятия - вот уж где подлинный грабёж:

"№26. Папка с различными машинописными текстами на 294 листах..." Нет, не утруждает себя вникнуть в суть следователь КОРНАКОВА, хотя бы название найти!

Или: "№33. В комнате также обнаружено и изъято 34 папки с различными машинописными и рукописными текстами..."

Вот так, знай наших! 34 папки - одним росчерком пера!

Мы не знаем, что думала следователь КОРНАКОВА, заталкивая в мешок эти папки. А перед тем, заставив тяжело больную /воспаление легких!/ Р.Б. ЛЕРТ встать с кровати, чтобы... обыскать ее постель!

У Р.Б. ЛЕРТ забрано, помимо этих 34 папок, около 3 тысяч листов рукописей, то есть весь ее писательский архив!

Изъятие литературных архивов стало черной модой, обыденным делом советской опричнины. Неоднократно, в разных местах, изымались, еще при жизни писателя в своей стране, архивы А.СОЛЖЕНИЦЫНА; нападения на них производились по всем правилам налетной науки... В 1977 г. при аресте З.¹ТАМСАХУРДИА в Тбилиси из квартиры был вывезен весь его архив, а заодно и архив его покойного отца, писателя К.²ТАМСАХУРДИА... Был пограблен архив при аресте ныне покойного украинского писателя Г.³СНЕГИРЕВА... Осенью 1977 г. в г.Умани изъят архив на обыске у старейшей украинской писательницы /ей 83 года/ Н.В.⁴СУРОВЦЕВОЙ, в том числе обширные воспоминания более чем за 60 лет. До сих пор Н.В. СУРОВЦЕВОЙ не возвращено ни листка.

Может ли представить себе такие погромы западный читатель? А что скажут писатели? Например, Вы, господин Майк ДЭВИДОВ⁵, "прогрессивный писатель" и "американский диссидент", как называют Вас газеты? Представьте, что это к Вам нагрянули вдруг агенты ФБР с мешками и утоптали туда, без разбора и объяснений, Ваш писательский архив!

Невосполнимый урон нанесен при налете на "Поиски" Ю.П. ВЕЛИЧКИНУ, хранителю некоторых материалов журнала. 108 наименований, тысячи страниц; следователь КНЯЗЕВ не утруждал себя подробным счетом.

1. Звиад.
2. Константинэ.
3. Гелий.
4. Надежда Витальевна (см. Хр.47:40).
5. Амер. журналист и драматург, 1913 г.р., бывш. моск. кор. газ. "Дейли уорлд"; его "Письмо сов. друзьям из "свободного" мира" см. в журн. "Иностр. лит-ра", 1975, №10:236-258.

У ВЕЛИЧКИНА отняты его воспоминания – "Рассказ о том, как я воевал", переписка с редакциями, многолетние подборки газетных материалов /нет-нет, не из "Таймс" – из "Правды" да "Известий"!/ по сельскому хозяйству, экономике, общественно-политическим вопросам. В мешок пошли и информационные бюллетени Академии наук, и папка с вырезками "О МАЯКОВСКОМ", и "Библейские беседы", и даже... текст отречения НИКОЛАЯ II в 1917 году /тоже ведь "антисоветская клевета"!/. Конечно, и тут тоже Борис ПАСТЕРНАК, "Стихотворения и поэмы", в протоколе записано: "в количестве 4-х томов, изданы к у с т а р н ы м способом, отпечатаны на машинке и переплетены".

Ах, вот оно где, государственное преступление – "кустарным способом" посмел человек то, что ему хочется, переплести!

Свыше 4 тысяч листов литературно-художественных рукописей разных авторов взято у В.АБРАМКИНА. Здесь же несколько экземпляров журнала "Поиски", неизданные стихи Д.¹ХАРМСА.

У Виктора СОРОКИНА увезли /следователь БОРОВИК/ 79 наименований, свыше 2,5 тысяч листов. Взяты рукопись воспоминаний С.²ЛЕМА, "Кризис искусства" Н.³БЕРДЯЕВА, стихи И.⁴БРОДСКОГО, множество самиздатовских текстов и заявлений. Взяли 3 пишущие машинки, фотоаппарат "Зенит", фотоувеличитель и глянецователь. Изъяты, не понять к чему, даже такие предметы, как... шрифтоочиститель и силикатный клей.

67 наименований – в протоколе обыска у Юрия ГРИММА. Рукописи, записные книжки, пишущая машинка "Москва"... Ксерокопия книги "Иудейская тайнопись" /ну так иудейская же!/. ... Машинописная статья Г.⁵ДАВЫДОВА "Я против террора"⁶/ну так против же, не за!/.

Изъята у Ю.ГРИММА его гордость, предмет, восхищавший всех, кто бывал в этой тесной, но гостеприимной квартире, – его "иконостас", уникальная стенка с фотографиями друзей и знакомых. В протоколе одной строчкой: "стенд с фотографиями в количестве 98 штук". С какими? Разве что-то недозволенное, какие-нибудь военные объекты на них? А большинство фотографий – с дарственными надписями, нет им ни повторения, ни цены.

1. Даниил.

2. Станислав.

3. Николай.

4. Иосиф.

5. Георгий, в получ.копии "Т." – опечатка.

6. См. АС №3484.

И еще одно черное изъятие совершено на квартире Ю.ГРИММА: архив генерала П.Г. ГРИГОРЕНКО, 14 папок и книга его военно-теоретических работ. Как ни убеждал Ю.ГРИММ следователя, что к журналу "Поиски" это не имеет никакого отношения, - взяли.

Отняв у генерала ГРИГОРЕНКО родину, отняли теперь и его архив.

Еще один архив!..

Московскому журналу "Поиски" нанесен немалый урон. Всего у 8 человек /ЛЕРТ, ГРИММ, ЕГИДЕС, АБРАМКИН, СОКИРКО, СОРОКИН, ПАВЛОВСКИЙ, ВЕЛИЧКИН/ изъято примерно 10 тысяч машинописных листов.

Что же за чудище такое, этот журнал? К чему он звал? К свержению власти? Да нет, ни в одном тексте - ни слова, ни намек. Может быть, войну пропагандировал или террор? И такого не было. Так, может быть, распушенность нравов, аморальность? Тоже нет.

В журнале не содержалось никакой клеветы. Критические материалы - да, но "заведомо порочащие" - нет. Не назовешь же такими отрывки из книги секретаря испанской компартии Сантьяго КАРРИЛЬО "Государство и еврокоммунизм". Или главу из книги Ф.¹ИСКАНДЕРА "Пир Валтасара" - только за то, что она не понравилась цензору Главлита. Или посмертные публикации Ю.²ДОМБРОВСКОГО...

Свободный московский журнал "Поиски", как называли его издатели, имел единственную цель - служить свободе мысли и разномыслию. Это была еще одна попытка издания неподцензурного демократического журнала, который собрал бы под одним переплетом художественную и общественно-политическую литературу, представляющую сегодняшнюю инакомыслящую Россию. И как же он нужен, такой журнал, не эмигрантский - внутри страны, который сфокусировал бы мысль, бьющую ныне тысячей разрозненных родничков! Может быть, издание такого журнала приостановило бы утечку мысли и ее распыление по западным, пусть доброответным, но все-таки далеким, зачастую оторванным изданиям и голосам...

Журнал "Поиски" представлял собой издание л е г а л ь н о е, с открытой редколлегией, на обложке каждого номера стояли их фамилии и адреса. Своей задачей журнал ставил п о и с к и в з а -

1. Фазиль.
2. Юрий.

и м о п о н и м а н и я, он был рассчитан на открытую дискуссию - каждого со всеми - по любым проблемам общественно-политической жизни страны, по осмыслению ее недавнего прошлого и настоящего.

В этой дискуссии могли принять участие и власть придерживающие. Это ведь тоже очень нужно /и уже пора!/ - дискуссия между властью и инакомыслием, рассчитанная на в з а и м о п о н и м а н и е. Разговор мог быть перенесен на страницы государственной печати. Редколлегия журнала - они не таились - была готова к критике. Их даже можно было, если бы это показалось необходимым, пригласить в суд, разослав повестки по указанным на обложке журнала адресам. Приглашали же в свое время В.КОРОЛЕНКО за публикацию журналом "Русское богатство" задевшего власти очерка Л.ТОЛСТОГО...

Увы, дискуссии не получилось. Власти и на этот раз предпочли самое скорое и ничтожное решение - забить оппоненту кляпом рот.

Мы считаем, что "дело" московского журнала "Поиски" должно быть рассмотрено на очередном совещании по выполнению Хельсинкских соглашений, которое состоится в Мадриде в конце 1979 года. Может быть, и секретарь испанской компартии КАРРИЛЬО к этому времени выскажется по поводу ареста в Москве глав из его книги.

Жестокий опричный погром, которому подвергся свободный московский журнал "Поиски", вновь демонстрирует тот разрыв, что существует между лицемерными декларациями советских властей и фактическим положением со свободой слова в нашей стране.

И речь тут не об отдельных нарушениях прав - о полном отсутствии таковых.

Нет прав человека в стране, где сыску и экзекуции подвергается вольное от Бога слово.

Нет прав человека в стране, где костяная рука опричнины шарирует ежедневно по книжным полкам и письменным столам.

Нет прав человека в стране, где изымаются писательские архивы, где писатель и журналист скручены по рукам и ногам.

При обыске у помянутого выше художника из г.Тольятти М.ЗОТОВА была изъята, в числе других, картина, на которой художник изобразил себя на фоне Кремля - стоящим на коленях и с замком на губах.

И это - точный образ, отражающий нынешнее положение со свободой слова и творчества в СССР.

Март 1979 г.

Виктор НЕКИПЕЛОВ

АС №3597. Семен Глузман, п/з. Письмо неизвестному адресату о его голодовке протеста против водворения в ПКТ Пермского лагеря №37 (на пути в ссылку, вероятно, ж./д. Свердловск-Тюмень, вскоре после 20.4.79).+

8/I-79 утром мне приказали собрать все вещи к этапу из лагеря. Я в эти дни /буквально со дня на день/ ожидал свидания с отцом. Так как администрация и на этот раз отказалась сообщить, куда и на какое время меня хотят увезти, я заподозрил, что хотят везти на очередную профилактику в КГБ. Спустя несколько минут по некоторым мелким признакам, я понял, что этап предстоит не для свидания в соседнем лагере. Понятно, я немедленно написал заявление о начале голодовки протеста против сознательного препятствования моему свиданию с отцом. Отдав заявление /где указал, что голодать буду до дня своего освобождения - II мая/, собрал вещи и почти сразу был этапирован в зону №37. В лагере №37 на вахте мне объявили постановление о водворении меня в ПКТ сроком на 4 месяца 3 дня. Это постановление было основано на якобы найденном в рабочей зоне лагеря №36 тайнике, где обнаружены разные антисоветские документы, в том числе и мои. Единственная конкретизация: дата обыска и обнаружения тайника - 29 ноября 1978 года; ни содержание документа, мне вменяемого, ни его /или их/ название указаны не были. Существенно также и то, что с мая 1978 года я вообще не был в зоне /сначала поездка в Пермь, затем 6 месяцев в ПКТ, вплоть до 15 декабря/; каким же образом мог быть в рабочей зоне мой документ?... Или же я имел какой-то канал связи с зоной, но это нужно доказать; или же документ был очень давний /например, копия очень старого заявления, к тому же официально поданного/, но за все свои "грехи" прежнего периода я был наказан отбытыми шестью месяцами ПКТ. Ни о каких¹ нарушениях режима в постановлении не было речи /да и не было таких нарушений!/. Итак, постановление убедило меня в правильности решения - нужно голодать, слишком уж обнаглели кагебисты: наказывают, но не сообщают, за что

Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. В получ.копии "О никаких".

именно /я-то знаю точно, что такого документа, исполненного после 15 июня, т.е. после водворения в ПКТ, у них не было и нет!/.

Начав голодовку, я отослал несколько /до десяти/ заявлений в прокуратуру области, каждое - по конкретному факту очевидного нарушения законов лаг. администрацией лагеря 36; все они были тщательно аргументированы.

22 января меня посетил прокурор ЯЗЕВ¹ из Перми; вел он себя вызывающе, прозрачно намекнул, что если я буду настаивать на конкретизации постановления, то будет возбуждено дело. 23 января он явился опять и окончательно подтвердил: "Постановление правильное, законное, а конкретно вы узнаете в случае возбуждения против вас "дела". Упустя короткое время на все мои заявления пришел ответ начальника отдела Пермской прокуратуры МЯКИШЕВА², где на все мои очевидные аргументы и факты дан голословный ответ, что я вовсе неправ, а администрация законы не нарушала.

Сама голодовка протекала так: кормить начали на 10-е сутки, в среднем 3 раза в неделю /но не всегда, бывало и реже/. До конца февраля мне хотя бы контролировали кровяное давление, а потом - ни разу, даже перед этапом. Последний раз в лагере принудительно кормили 14/IV в первой половине дня, а на этап взяли в ночь с 15 на 16/IV. Этапировали без сопровождающего медика и лекарств; было плохо с сердцем, но помощи добиться я не мог. В Свердловской тюрьме ни разу не осмотрен врачом. 17/IV врач-женщина предложила, стоя на пороге камеры, "кушать втихую, чтобы никто не знал", а 19/IV врач-мужчина вошел в камеру, чтобы задать один вопрос: "В психбольницах не лечился?" 17/IV вечером - принудительное кормление. 20/IV было тяжелое состояние, неоднократно просил придти врача, но никто из медиков не явился.]Этап до Свердловска был тяжелый, конвой грубил, хамил; один солдат изрек: "Да я бы сам таких к стенке ставил". Со мною три тяжелых чемодана с книгами. Отослать их заранее домой посылками не мог, т.к. новыми Правилами внутреннего распорядка запрещено; произошло это неожиданно, а "книга-почтой" по-прежнему шлет книги.

О снятии голодовки сейчас говорить уже трудно, т.к. обычную пищу уже не могу есть, выходить из голодовки нужно на спец. пита-

1. Пом. прокурора Прем.обл., мл.советник юстиции, о нем см. Хр.48:63, 76.

2. В должн. по кр.мере с 1974, о нем см. Хр.32:45, 48:76, АС №2899:6.

нии и долго, при моем критическом состоянии это возможно только в больнице. А КГБ этого явно не желает /за все это время ни одной попытки серьезно поговорить, хотя я всегда был готов на разумный компромисс/. А по прибытии в ссылку прекращать голод нельзя, т.к. сразу погонят на работу, а я уже почти неподвижен, давно не хожу и на получасовые прогулки.

Сейчас еду на поезде. Ссылка, по-видимому, будет в Тюменской области¹.

1. 11.5.79 С.Глузмана привезли в б-цу в с.Нижняя Тавда, Тюменская обл., откуда он говорил по телефону с А.Сахаровым (см. Рейтер и ЮПИ, 11.5.79).